—ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!—

1917 г. в Ставропольской губернии

КОМИССИЯ ПО ПРОВЕДЕНИЮ X-й ГОДОВЩИНЫ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ПРИ ОКРИСПОЛКОМЕ и ИСТПАРТОТДЕЛ СТАВРОПОЛЬСКОГО ОКРКОМА В. К. П. (б).

Замеченные опечатки:

Страница	Строка	НАПЕЧАТАНО	СЛЕДУЕТ ЧИТАТЬ
7	10 снизу	которые	каторги
24	8 сверху	если	если-бы
35	2 снизу	из сундука и кричала	из сундука и только кричала
39	22 сверху	высупивших	выступивших
51	16—18 снизу	Местные власти вынуждены были ставить кордоны в северо-восточных окраинных селах губернии. В цитированном выше отношении и т. д.	Местные власти вынуждены были ставить кордоны в северо-восточных окраинных селах губернии. В цитированном выше отношении и т. д.
58	14 сверху	Принятия	Принятие
60	13 сверху	сипсок	список
61	16 сверху	По губернии за № 2	По губернии за список № 2
68	12 снизу	население	населения
71	6 „	иобразовать	и образовать
71	16 „	Учредительное собрание	Учредительное собрание*.
73	22 сверху	Сахатский	Сохацкий
78	14 „	не постеснялось	не постеснялись
99	8 снизу	капиталистов	комитетов
101	7 сверху	и выдержки	и выдержка
102	5 снизу	12) Вся власть отныне Ставропольской губернии	12) Вся власть отныне в Ставропольской губернии
101	9 сверху	не позволит коих господам Карауловым и Калединным, попирая	не позволит никаким господам Карауловым и Калединым попирать

Издание Истпартотдела Окркома В. К. П. (б) и Юбилейной Комиссии.

Г. СТАВРОПОЛЬ н/К.

1927 год.

под Истпартом
Доб. Комиссии

КОМИССИЯ ПО ПРОВЕДЕНИЮ X-й ГОДОВЩИНЫ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ПРИ ОКРИСПОЛКОМЕ и ИСТПАРТОТДЕЛ СТАВРОПОЛЬСКОГО ОКРКОМА В. К. П. (б).

1917 год

в Ставропольской губернии.

Под редакцией Ф. ГОЛОВЕНЧЕНКО.

Издание Истпартотдела Окркома В. К. П. (б) и Юбилейной Комиссии.

Г. СТАВРОПОЛЬ н/К.
1927 год.

Ставрополь, тип. „Пролетарий", Красная, № 31.
Окрлит. 690. Заказ № 2605 Тираж 3000.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Наш очерк рассказывает историю борьбы рабочих и крестьян Ставропольской губернии за установление Советской власти в 1917 г.

Прошло уже десять лет с того момента. Многое могло забыться в памяти участников великой борьбы, а многим, особенно молодежи, не все известно из истории борьбы за Советскую Власть. Документы истории—лучшие свидетели, и они излагают красочно картину героического периода, излагают его полнее всякого воспоминания. Наш очерк, написанный по историческим документам, напомнит всем о пережитом периоде.

История героической борьбы за Советскую власть должна быть известна всем трудящимся и особенно глубоко ее надо изучить нашей молодежи, которая не могла еще тогда участвовать в борьбе.

Чтобы лучше понять громадное значение Октябрьской революции в общесоюзном об'еме, мы должны ее изучать на наших местных событиях. После этого мы легче поймем во всей глубине всю историю борьбы за Советскую власть. Наш очерк имеет ввиду помочь в этом.

Очерк краток и некоторые моменты не достаточно полно освещены. Это обусловилось отсутствием многих материалов, которые при эвакуации Советской власти из губернии в 1918 году пропали и значительная часть их была уничтожена белогвардейцами. Затрудняла работу по составлению очерка и чрезвычайная разбросанность архивного материала, который еще не приведен в надлежащий порядок.

Главным источником при составлении очерка послужили архивные материалы и местные газеты.

Из местных газет наиболее полно сохранилось „Северо-Кавказское Слово"—орган правых эс-эров, а затем „Заря Свободы", издававшаяся Советом Солдатских Депутатов, вначале руководимая меньшевиками, а с 8-го ноября перешедшая к большевикам и, наконец „Известия, Ставропольского Комитета Общественной Безопасности".

Большую услугу оказали и воспоминания современников. Воспоминания дали возможность лучше использовать имевшиеся в нашем распоряжении архивы. Они толкали на поиски новых документов, имевших важное значение к излагаемым событиям, но находившихся разбросанными в разных местах.

Являясь первой попыткой разработки материалов богатого событиями периода, очерк имеет естественно и свои недочеты, несмотря на это, мы полагаем, что он все же поможет многим разобраться в истории борьбы рабочих и крестьян окраинной Ставропольской губернии за установление советской власти.

Следующий период за 1917 г.—гражданская война 1918—1920 гг.—более полно отражен в документах и этому будет посвящена отдельная книга.

Большую работу в собирании материалов к этому очерку провел заведыв. истпартотделом Ставропольского Окркома ВКП(б) А. М. Козлов и по историко-литературной обработке Ф. Емельянов.

Помощь оказывали в этой трудной работе своими советами и замечаниями участники событий и члены юбилейной Октябрьской комиссии.

Ф. ГОЛОВЕНЧЕНКО.

3 июня 1927 г.
г. Ставрополь н/К.

От 1905—6 г. к революции 1917 г.

(ВСТУПЛЕНИЕ).

Ставропольская губерния—земледельческая, вывозящая в значительном количестве зерно. Небольшие мельницы, маслобойки, крупорушки и механические мастерские, разбросанные по губернии, обслуживая земледелие, имели почти исключительно местное значение. Только с постройкой крупных вальцевых мельниц Ставропольская мука нашла себе рынки в Закавказье и Закаспийской области.

Обширные пространства плодородной земли создали условие для широкого применения более усовершенствованных орудий и машин в земледелии. Стоимость с.-х. машин в губернии в 1906 году составляла около 10 миллионов руб., а в 1912 году—около 16 миллионов рублей. Паровых и конных молотилок в этом году насчитывалось больше 2000.

Машинизация сельского хозяйства значительно его укрепила, и, так как машины приобретали крепкие хозяйства, вызвала большее расслоение крестьянства на зажиточных—с одной стороны и бедняков—с другой. 100 тысяч безземельных иногородних и бедняцкий слой коренных крестьян поставляли внушительную армию батраков—более 25.000 чел. (по статистике земства), для крупных землевладельцев и для зажиточных крестьян.

Тяга к земле крестьян была большая. Ненависть к царскому строю и помещикам с каждым годом росла и росла. Наличность же большого полупролетарского слоя крестьян и бедноты создавала благоприятную почву для об'единения крестьянского движения с рабочим.

Широкое крестьянское движение 1905—1906 г., в руководстве которым большую роль играла Социал-Демократическая Рабочая Партия, не было уничтожено. Оно притаилось, ушло вглубь и выжидало лишь благоприятного момента для того, чтобы вновь развернуться.

В десятилетний период между первой и второй револю-

циями в Ставропольской губернии имели место два внушительных по размерам крестьянских движения: одно против только что введенного земства, другое—против дороговизны товаров в связи с войной.

Посредством земства царское правительство полагало упрочить положение в губернии крупного землевладельца, с присвоением ему большей руководящей роли среди крестьянского населения. Крестьянство почувствовало в этом нововведении особую, утонченную кабалу над собой и отказывалось платить земские налоги. Движение против земства охватило все уезды губернии. Началось оно с пригородних сел—Михайловки и Надежды. Здесь придется ограничиться лишь самыми крупными фактами, без которых не будут понятны ни формы движения, ни его размеры.

13 июня 1914 года в с. Михайловском толпа крестьян мешала строить земскую школу, за что было задержано и подвергнуто аресту 7 мужчин и 4 женщины. 21 июня того же года толпа женщин заставила уехать из с. Надежды земского начальника и страхового агента, пытавшихся произвести оценку недвижимого имущества крестьян. В тот же день толпа женщин, человек в 100, вооруженная рогачами, кочергами и вилами напала на волостного старшину, урядника и писаря, нанося им оскорбления и бросая в них камнями. 26 июня земского начальника, приехавшего в с. Надежду с приставом, опять постигла неудача: земский получил толчок в грудь, а на пристава одна из женщин замахнулась вилами. Это вызвало поездку в село губернатора с жандармским полковником и посылку туда отряда стражников. Надеждинцы сначала хотели сопротивляться и потому в одной из улиц построили баррикады, но потом раздумали, разобрали баррикады и решили склонить начальство на свою сторону покорностью. Полковник, донося, рассказывал, что группа женщин, человек в 100, встретила его с хлебом и солью, при чем все женщины стояли на коленях. Губернатора просили отложить делать оценку до возвращения мужчин с полевых работ, при этом прибавляли: „Пусть лучше нас всех поубивают, а платить земству не будем".

29 июля во время мобилизации призывные в Михайловском кричали, что не пойдут на службу и не дадут лошадей. Человек 200 из них подошли к строющейся земской школе и разбросали почти до половины выведенные стены. Узнав о приближении исправника с отрядом, Михайловцы уехали на призывной пункт. Однако, в школу, когда она была уже окончена, родители не пускали своих детей.

Во второй половине ноября этого же года, при сборе земских налогов сильное движение против земства вспыхнуло

в Благодаренском уезде во многих селах. При этом в Александрии был избит урядник, старшина, разгромлен дом члена управы и сожжена земская школа. При задержании зачинщиков полицией 3 чел было убито, 7 ранено. Арестовано 29 человек.

В декабре крестьяне с. Надежды сделали попытку подать прошение об упразднении земства царю, для чего послали делегатов на ст. „Минеральные воды", через которую он проезжал. Об этом самовольстве узнал губернатор и до прихода царского поезда убрал Надеждинцев.

Для расследования причин недовольства крестьян земством в Ставрополь приезжал член Министерства внутренних дел Харламов и управляющий отделом землеустройства Блюменталь.

В начале 1915 года размер земского сбора был уменьшен, но он все равно был для бедноты тяжел и его не хотели платить. Земский налог на губернию составлял 2.565.189 рубл. или на двор 14 рублей 91 коп. Бедняцкие хозяйства от налога не освобождались. В марте этого года губернатор для погашения земской недоимки приказал угнать из с. Александрии скот. Угнали 36 коров и 11 лошадей, которые были после проданы с аукциона. При проезде через Надежду стражникам, гнавшим скот, население не позволило остановиться на ночлег, угрожая в случае остановки всех перерезать.

В с. Надежде также угнали за недоимки земству 24 головы скота. Стражникам и казакам несколько раз приходилось ходить в атаку на толпу, бросавшую камнями. Там тогда одного крестьянина помяли лошадью и многих отстегали плетьми.

В конце 1915 года при продаже за недоимку имущества крестьян в с. Калиновке, Александровского уезда, было оказано сопротивление вилами и косами. 11 арестованных зачинщиков ночью молодежью были освобождены.

В январе 1916 года Военно-Окружной суд в селе Благодарном из 67 обвиняемых за беспорядки в с. Александрии, о которых упоминалось выше, после 2-хнедельного разбора дела, 4-х приговорил к повешению, 1—к бессрочной и 14 на разные сроки каторге и 32 человека к различным другим наказаниям.

Таковы главные факты противо-земского движения. Оно несколько затихло, притаилось, когда от налога были освобождены семьи мобилизованных.

Движение против дороговизны вспыхнуло в июне 1916 года и выразилось в погромах лавок частных торговцев в Медвеженском и частью в Ставропольском уездах и в самом г. Ставрополе.

Все погромы похожи один на другой. В каждом пункте

за несколько дней появлялся слух о погроме и назначался день погрома. Торговцы к этому дню начинали прятать товары, или запирали лавки. Это давало уже прямой сигнал к погрому. Погромщики заявляли везде, что они имеют разрешение на погром. В одном месте говорили, что разрешение пришло с фронта, в другом—от губернатора. Везде главными участниками были солдатки, жены мобилизованных, собиравшиеся большими толпами. К солдаткам присоединялись мужчины, а часто и нижние чины стражи. В Ставрополе оказал попустительство погрому весь 112 батальон, отказавшийся исполнить несколько приказов, направленных к прекращению погрома. Вследствие этого начальник Ставропольского гарнизона просил военный округ вывести из города 112 батальон, заменив его другой частью.

438 человек, привлеченные за погром в губернии были освобождены по амнистии в 1917 г.

После поражения революции 1905 года рабочие, профессиональные и партийные организации были разрушены. Многие работники были высланы, многие вынуждены были скрываться. Оружие боевой дружины было зарыто в землю. Но буржуазный строй не мог уничтожить рабочего класса. Рабочий класс остался. Остались и разрозненные зачатки его партии.

Крестьянство верило в силу рабочего движения и ждало, что рабочий класс скоро должен опять подняться. В 1912 г. крестьяне хутора Лиман, вблизи Курсавки, взбудоражили своими разговорами жандармерию. Они говорили, что скоро начнется железно-дорожная забастовка, сильнее чем в 1905 г., что царское правительство будет свергнуто, и будет сделана прирезка крестьянам от помещичьей земли. С 1912 г. стала проникать в губернию большевистская газета „Правда". В 1912 году в с. Петровском забастовали приказчики и служащие одного из магазинов. Посредством обыска полиция установила, что эти служащие делали 2%-е отчисление на выписку большевистской газеты „Правда". У одного из служащих найден был опросный лист, при чем выяснилось, что такие листы распространялись среди населения. Листы же получались с газетой „Правда".

В 1914 году уже наблюдаются явные признаки пробуждения рабочего класса. В мае была об'явлена забастовка печатников г. Ставрополя и она продолжалась полтора месяца. На железной дороге в Ставрополе происходят в квартире одного из рабочих собрания небольших групп и читаются прокламации. Рабочие входят в связь с партиями—социал-демократов (большевиков) и левых эс-эров, при чем один из рабочих металлистов, литейщик, принимает участие в обсуждении прокламации и дает указания какие прокламации больше подходят

для рабочих. Прокламаций в это время было мало. Они передавались из рук в руки и обходили все заводы и предприятия.

Начиная с 1914 года, в Ставрополе стали печататься и распространяться местные прокламации. 4 января этого же года на заводе Демина отобрана была у одного рабочего прокламация о расстреле рабочих 9 января 1905 г. в Петрограде. Два таких же воззвания найдены полицией на Мамайке и одно на Ташле, на полотне железной дороги. В марте этого же года на окраине города полицией были найдены листки, один из которых говорил о Ленском расстреле рабочих. В июле, в связи с мобилизацией, также распространялись листки. Листки находили в лагере мобилизованных и в казармах 112 запасного батальона. Только в одном из этих случаев листки распространялись неизвестной организацией, вероятно—лево-эс-эровской. В остальных же случаях листки были социал-демократического, большевистского содержания, и распространение их было приурочено к великим революционным событиям. В 1915 г., в январе, опять по всем окраинам оказались разбросанными и расклеенными воззвания и листки 3-х видов: одни—посвященные событиям 9-го января, другие—с призывом не идти в армию, третьи призывали к революции.

В одной из большевистских прокламаций обращают на себя внимание следующие места: „и так немецкому крестьянину и рабочему нечего ждать от войны: она приносит им только вред; с русским крестьянином и рабочим дело обстоит еще хуже. Налоги в России, прямые и косвенные (т. е. такие, которые правительство накладывает на готовые изделия: спички, табак, папиросы, чай, сахар и т. д.), растут не по дням, а по часам и всей своей тяжестью ложатся на спину крестьянина и рабочего. Все предметы первой необходимости все повышаются в цене“ и дальше: „человека заставляют бросить семью, хозяйство, разоряют его, мобилизовав лошадей и наложивши непосильные подати, затем его гонят в скотских вагонах на австрийскую, германскую или турецкую границу, где он, неделями голодный и совсем без сна, идет под пули и шрапнели неприятеля, пока не падает убитым или изувеченным. Выгода небольшая. Правда, если убьешь 11 чел. и получишь 16 ран, то заработаешь Георгия и несколько рублей пенсии в год...“; далее: „но кто же начал войну, кому она нужна. Все мы узнали о войне только тогда, когда мы понадобились правительству, как солдаты и как плательщики податей. До этого никто не спросил у народа, хочет ли он воевать, хочет ли проливать свою кровь за выгоды тех, кто затеял эту войну—правительства и богачей..“; далее: „ни немцы, ни русские не знали ничего о войне. Только русское, немецкое и другие правительства знали и затеяли ужасную войну, из-

за которой должны страдать народы всего мира. Правительства всегда стараются чужими руками жар загребать, а война приносит еще другие выгоды: 1) они отделываются от тех людей, которые бунтуют, устраивают забастовки и этим угрожают самому правительству; их мобилизуют и гонят под пули и штыки таких же мятежников, которых высылает враждебное правительство. Главная же их выгода—это в мутной воде рыбу ловить, по-просту набивать карманы на народном несчастии и заручиться такими торговыми договорами, которые давали бы им право и после набивать карманы себе и своим сторонникам—банкирам и богачам..", далее: „всем известно, что в японскую войну 400000 человек погибло ради торговых предприятий наших великих князей и других капиталистов. И страна восстала и добилась мира, невыгодного для правительства, которое лишилось половины Сахалина и права обдирать манджурский народ, но за то выгодного для народа, которому были сохранены многие тысячи кормильцев и многие миллиарды народных денег..". Оканчивается указанная прокламация так: „пора и теперь восстать русскому народу, так как теперешняя война еще бессмысленнее, еще ужаснее японской, пора нам начать воевать для себя, для своей семьи, пора нам сбросить с себя иго правительства, которое всегда старалось поработить нас. И так, товарищи, боритесь с нашим заклятым врагом, правительством, и знайте, что только окончательно сломив его—мы сможем устроить жизнь на началах свободы, равенства и братства".

Невидимая рука, распространявшая прокламации,—были подпольные партийные организации. Жандармерия установила наличность социал-демократической работы в Ставрополе, в Благодарненском и Медвеженском уездах. В Ставрополе на подозрение был взят социал-демократ Рыковский, учительница Косенко, учащиеся В. Петров, Шеболдаев и другие, часто встречавшиеся между собой. Обыски подтвердили их причастность к политической деятельности и к подпольной организации большевиков. Начались аресты. 3 апреля 1915 г. была арестована учительница с. Тугулука Косенко, а на следующий день—воспитанник гимназии В. Петров, 18 лет., а затем Бородаевский В., Акулов М., Шеболдаев Б. и студент Радолицкий. Летом, в этом же году—они все были освобождены и взяты под надзор полиции. Трое последних числились за Петроградским жандармским управлением.

12 января 1916 г. судебной палатой Петров был приговорен к заключению на 6 месяцев в крепость, а Бородаевский на 4 месяца в тюрьму.

Наряду с этой группой социал-демократов-подпольщиков, существовала в 1915—1916 годах и другая группа большевиков,

имевшая личную связь с первой группой. Организационный центр группы составляли: М. Морозов, В. Косенко, А. Промовендов и С. Алексеев. Из других участников этой группы известны следующие товарищи: „Маруся“ (Вальяно), Бердичевский Б., Надежда Л., Шальнев, Образцов Б. и Промовендов Н.

Морозов, секретарь Комитета большевиков в 1917 г., еще в 1912 г., 16-летним юношей, подвергся аресту за попытку устроить всероссийскую забастовку духовных семинарий.

Группа Морозова имела связь с 112 запасным батальоном через солдата Кочерова М., а также с мельницами Баранова и Анпеткова и с заводом Шмидта. Группа выписывала из Екатеринодара социал-демократический журнал, имела мимиограф, хранившийся у Морозова, печатала и распространяла листки, устраивала собрания для изучения партийной программы. Библиотека Народного дома обслуживалась листками посредством вкладывания последних в лежащие на столе газеты кем-либо из участников Морозовской группы. Группа умела доставать нужную марксистскую литературу.

Большевистская организация проводила работу по селам через рабочих предприятий и железной дороги. Связь, однако, с местами была слаба. Проводила в селах работу и эс-эровская партийная организация. Сначала она встречала в крестьянстве поддержку, а потом, с возникновением войны, которую эс-эры поддерживали, их авторитет стал падать, и эта партия окончательно себя развенчала соглашательской своей работой в революцию 1917 года.

Организация меньшевиков была очень слаба. Она работала только в городе. Усилилось влияние меньшевиков после переворота, когда они, вместе с эс-эрами, захватили, в блоке с буржуазией, органы власти и руководящие посты в профсоюзах. Влияние это было очень непрочное. Когда изменническая работа меньшевиков стала известна рабочим, партия потеряла всякое доверие.

В 1914 г. в Ставропольской губернии было 2628 крупных и мелких предприятий с числом рабочих 7456 человек. Больше всего было мельниц—563 паровых и водяных и 832 ветряных, маслобоен—191, кирпичных заводов—324 и по выделке овчин —313 предприятий.

Как только началась империалистическая война, Ставропольская промышленность стала перестраиваться работать на нужды войны. Был построен в Ставрополе консервный завод, где работало до 1000 рабочих, оборудованы шубные, прядильные, литейные и другие мастерские. Построен был кожевенный завод. На эти предприятия приглашались квалифицированные рабочие из больших промышленных городов—

Москвы, Петрограда, Баку и др. Среди приехавших не мало было старых революционеров и профессиональных работников.

Тогда же усилилась работа социал-демократической партии на предприятиях.

Рабочий день на предприятиях не регулировался законом—устанавливался он хозяином. Продолжительность его была 12 часов и изредка—по отдельным предприятиям—10 часов. В селах на мельницах рабочий день был 18 часов. Батраки работали, что называется, до упаду. Никакой охраны труда не было. Числилась только где-то фабричная инспекция, но никаких мер ею не принималось.

Экономическое положение губернии к моменту февральской революции сильно ухудшилось и приняло угрожающий характер. Расстраиваться начало крестьянское хозяйство потому, что большинство взрослого мужеского населения было мобилизовано на войну и вести хозяйство стало некому. Начала сокращаться посевная площадь. Если в 1913 году она достигала 2.899.000 десятин, то к 1917 г. была 2.194.000 десятин (в старых границах). Жизнь дорожала с каждым днем.

Торгово-промышленный кризис повел к закрытию целого ряда промышленных предприятий. Это отражалось на положении рабочих. Заработная плата, получаемая рабочими, не могла удовлетворить самые неотложные их нужды—рост заработной платы далеко отставал от роста дороговизны.

Недовольство среди рабочих росло, и они стали пред‘являть ряд требований к предпринимателям.

Крестьянство стало изнемогать от тяжести войны, дороговизны и эксплуатации помещиков и кулаков, которые, пользуясь тем, что лучшая рабочая сила была мобилизована на войну—закабаляли крестьянское хозяйство ростовщическими кредитами, забирали за бесценок землю и скупали очень дешево скот.

Вот с чем готовилась встретить Революцию 1917 г. Ставропольская губерния.

Косенко Варвара.

Член подпольной организации социал-демократов (большевиков). Активная участница Октябрьского переворота в Ставрополе. Повешена белыми на ст. Кавказской в 1918 г.

Петров Валериан.

Член подпольной организации социал-демократов (большевиков). Активный участник Октябрьского переворота в Ставрополе. Занимал ряд ответственных постов. Умер в 1919 г. на посту заместителя Губернского Продовольственного Комиссара в г. Курске.

Акулов Макс.

Член подпольной организации социал-демократов (большевиков). занимал ряд ответственных постов после Октябрьского переворота. Член Губернского Исполкома в 1918 г. и Член Губернского Ревкома в 1920 г. Умер в 1923 г. на должности инструктора Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической партии в г. Москве.

1. После падения самодержавия.

25 февраля 1917 года наместник Кавказа секретной телеграммой уведомил Ставропольского губернатора о том, что в Петрограде происходят серьезные беспорядки, и что необходимо усилить агентурный и внешний надзор за населением.

Многочисленные телеграммы из Петрограда, полученные 2 марта, губернатор не опубликовал, но 3-го марта выпустил воззвание, из которого никак нельзя было понять, что, собственно, случилось. Вот выдержки из этого документа:

> „Председатель Государственной Думы обратился в Ставку к Государю Императору с просьбой составить новый кабинет министров... обращаюсь к вам, *верноподанным сынам*.... все, как один человек, протяните руку помощи, скорее продавайте хлеб уполномоченным. :".

Между тем, надо было сообщить, что самодержавие пало.

С самодержавием в центре покончено было скоро, но ставленники царя еще оставались на местах и были, несомненно, врагами революции. Ставропольский губернатор в это время прислушивался больше к Тифлису, чем к Петрограду. Наместник давал указания, как обрабатывать общественное мнение. Вот образец:

> Губернатору. 2 марта. „В виду циркулирующих разнообразных слухов, сообщается: в Петрограде произошли события, вызвавшие перемену высших правительственных лиц, при чем в настоящее время в столице наступило успокоение... Войска Кавказской армии победоносно продвигаются вперед. Срочно поместить в газетах...".

3-го марта губернатор получил из Тифлиса сообщение о составе Временного Правительства, со следующей прибавкой в конце телеграммы:

> „Его императорское высочество*) просил камергера Родзянко сохранить прежний порядок сношений, т. е. через Наместника. 974".

---

*) Главнокомандующий Кавказской армией Николай Николаевич.

Из Тифлиса повеяло монархическим духом и губернатор поспешил выразить верноподданические чувства:

„№ 974 мною принят к руководству и точному, неуклонному исполнению".

Губернатор боялся обидеть даже рухнувшее самодержавие и потому на другой день запрашивал наместника:

„...Оффициально не получил манифестов ни об отречении, ни о вступлении. Затрудняюсь приведением к присяге в виду того, что в установленной законами форме упоминается самодержавие. Жду срочного распоряжения о присяге и ее форме".

Ответа не было, а события неслись вихрем, и губернатор 5-го марта опять запрашивает:

„Агентскими получено отречение великого князя Михаила Александровича. Срочно прошу распоряжения".

Вместо ответа от наместника получилось свирепое требование—расправляться с лицами, именующими себя делегатами от рабочей партии:

„Прошу принять самые решительные меры, чтобы этот преступный элемент не проникал в армию. Если таковые шайки будут появляться, то надлежит немедленно их задерживать".

Наместник отвечал и на запросы губернатора, но телеграммы запоздали; а в них было много указаний и советов, например: за собраниями

„не устанавливать никакого наружного наблюдения, могущего обратить на себя внимание".

Иначе говоря, на собрания нужно посылать только шпионов. Конечно, это касалось рабочих собраний, „влиятельных" же господ—наоборот—надо было обласкать, успокоить, что, хотя царя и не стало, зато Николай Николаевич о них заботится. Телеграмма прямо говорит:

„Пригласить городского голову, влиятельных представителей организаций и народностей, представителей рабочих самых крупных фабрик, и от лица его императорского высочества обратиться с просьбой относиться с должным спокойствием к политическим событиям".

Рабочие тут упоминаются только для виду. В телеграмме рассказывается, что его высочество сам принял городского голову, представителей духовенства, национальностей, т. е. татарских, грузинских и армянских князей и влиятельных граждан. Однако, все эти советы запоздали. 5-го марта губернатор решил нащупать почву в министерстве. Он писал, что, не имея подтверждения из Петрограда об оставлении старой

администрации на ее местах, замечается, что авторитет власти падает.

6-го марта из министерства последовал циркулярный приказ, что губернаторы временно устраняются и предлагалось должность сдать председателям земских управ.

И так, в Ставрополе с падением самодержавия в губернаторском кресле воссел председатель земской управы.

2. Новая губернская буржуазная власть.

В Ставрополе 5-го марта получилось сообщение от Ростовского военно-промышленного комитета, что в Ростове сорганизован Гражданский комитет для поддержки Временного Правительства, и что Ставрополю необходимо сделать то же. На другой день в Ставрополе был уже избран Комитет Общественной Безопасности—(КОБ). Он образовался из представителей: гор. Думы, Земства, Союза Земств и городов и еще 24 организаций и учреждений, например:—губернского и городского комитета помощи раненым воинам, продовольственных попечительств, союза кредитных обществ, торгово-промышленного класса. Многие из этих организаций были однородны не только по своему классовому составу,—Земство, Дума, Союз Земств и городов,—но во многие из них входили одни и те же лица. Теперь, спустя 10 лет, относительно КОБ'а двух мнений быть не может: это была буржуазная организация, захватным путем присвоившая себе власть над губернией. Но тогда, в угаре радости от падения самодержавия, редко кто обратил внимание на этот чрезвычайно дерзкий захват власти буржуазией.

Окончательно сформировался Комитет Общественной Безопасности, когда в него вошли 10 представителей от Совета Рабочих и Солдатских Депутатов и представители подобных же уездных Комитетов.

Несмотря на то, что Комитет Общественной Безопасности избирался буржуазными учреждениями, крупная местная буржуазия в него вошла в небольшом числе, посылали интеллигенцию: адвокатов, врачей, учителей, служащих. Буржуазия доверяла комитетской интеллигенции, до этого ее обслуживавшей. И, действительно: буржуазная интеллигенция долго удерживала рабочих, солдат и крестьян в подчинении у буржуазии, чего последняя сама, конечно, сделать бы не сумела.

Несмотря на присутствие в Комитете Общественной Безопасности большого числа правых социалистов, буржуазные партии и, в первую голову кадеты, играли руководящую роль.

Последние даже сделали попытку совсем запретить вы-

сказывать всякую свободную мысль. На это указывает случай в лекционной комиссии КОБ'а. Было внесено хитрое предложение о том, что лектора должны раз'яснять гражданам только такие вопросы, которые одинаковы во всех партийных программах, и так как различия заключаются, главным образом, в вопросах рабочем и аграрном, то и не следует их совсем касаться. Против этого возражал один из левых членов комиссии. „Бояться того, что трудовой народ пойдет дальше политических требований буржуазии, едва ли целесообразно"; он указал также на опасность суживания незакончившегося процесса революции. (Газета „Северо-Кавказское Слово", № 629).

При наличии партийных разногласий Комитет Общественной Безопасности имел одну общую задачу—поддержку Временного Правительства, и не допустить социалистической революции. Как только стало известно о перевороте, газета правых эс-эров писала:

„Можно надеяться, что новое правительство сумеет остановить дальнейшее развитие начавшихся народных волнений".

(Газета „Северо-Кавказское Слово", № 617).

„Сохранение мира внутри страны и полное спокойствие в работе на оборону, продовольствие и закрепление занятых новым правительством позиций будет точкой опоры в массах для нового министерства.

В единении сила...".

(„Северо-Кавказское Слово", № 617. П. М.).

Итак, крыло эс-эров КОБ'а намечало такую программу: остановить революцию, слиться в поддержке Временному Правительству, неослабно работать на оборону. Под такой программой буржуазия подписывалась обоими руками. Самый опасный вопрос—аграрный—предусмотрительно откладывался до Учредительного Собрания. Его предполагалось разрешить путем реформы.

Комитет Общественной Безопасности работал в полном согласии с Губернским Комиссаром, уполномоченным от Исполнительного Комитета Государственной Думы. Ему была предоставлена почти губернаторская власть. Он мог пользоваться военной силой для принятия принудительных мер. Он же являлся главным толкователем политики Временного Правительства:

„Возможное сохранение того, что существовало до революции с дополнением. КОБ в своих начинаниях должен руководствоваться политическим тактом".

(„Сев.-Кав. Слово", № 624).

Так заявил 12 марта Губернский Комиссар Старлычанов в Земской Управе. Его требование „политического такта" означало благожелательность к буржуазным классам населения.

25 мая был избран новый президиум Комитета Общественной Безопасности. Вот его состав: Председатель—В. М. Краснов, его заместитель—Е. Я. Строганов; товарищи председателя—Н. Н. Безменов, С. С. Дмитриев, И. Т. Зароченцев; секретари—А. А. Иванчин-Писарев, П. И. Малороссиянов, К. З. Станкевич; члены президиума—Д. Д. Старлычанов (губ. комиссар), Р. Р. Глиндзич (пом. комиссара), Н. Г. Дидрихсон (гор. голова), В. А. Клименко. Е. А. Дементеев, В. И. Манжос-Белый, Л. Г. Малий, А. К. Росляков, А. А. Чернышев, А. О. Капельгородский, И. М. Акулов. В председатели и секретари комиссий избраны следующие лица: М. П. Попов (владелец завода), Н. С. Петров, В. С. Тринитатов, П. И. Гусев, Р. Н. Хецров, П. Д. Извозчиков.

Здесь есть и социал-демократы, не входившие в Ставропольскую организацию, и эс-эры, и народные социалисты, и кадеты, и беспартийные демократы; при чем все они были убежденными сторонниками буржуазно-демократического строя.

„Возможное сохранение того, что было с дополнениями“ можно полностью отнести к двум городским Думам в губернии, Ставрополе и Святом Кресте, и к губернской с уездными Земским управам. Их решили пополнить новыми представителями по образцу Комитета Общественной Безопасности. Буржуазная цензовая Дума не хотела даже пополняться. 24 марта была учреждена комиссия „по пополнению“ из 15 человек:—от Думы, Комитета Безопасности и трудового мещанства,—а только 21 апреля Дума приняла постановление—„пополниться“.

Новый элемент, вошедший с „пополнением“ Думы, не мог внести коренных изменений ни в состав Думы, главное ядро которого попрежнему оставалось цензовым, ни в ее работу. Если и были кое-какие попытки изменить что-либо в городском хозяйстве в пользу трудовых мещан, то они оказались неудачными.

Губернское Земское Собрание было пополнено более ускоренным темпом, потому что с этим была связана организация совершенно новых учреждений—продовольственных комитетов, которые должны были сменить царских уполномоченных по закупке хлеба.

Само же Земство после пополнения осталось по характеру помещичьим и кулацким отношение к нему крестьян не изменилось. В докладе Комиссара министерству от 20 марта, наряду с сообщением о пополнении Земства, подчеркивается, что недовольство Земством крестьян имеет трехлетнюю историю; что

„Крестьяне заявляют: все дадут, готовы на всякие жертвы, будут терпеть, только не надо говорить про Земство. Земство вызывает бешеное негодование“.

Несомненно, что враждебное отношение крестьян к Земству было проявлением классовой борьбы трудового земледелия против буржуазного землевладения „тавричан“, как называли в Ставропольской губернии крупных землевладельцев, скупивших самые лучшие участки земли. Тавричане частью вели самостоятельное хозяйство,—земледельческое или овцеводческое,—а частью сдавали землю в аренду тем же крестьянам. Земство в губернии вводилось с опозданием на полстолетия, перед самой войной. Ставропольское крестьянство имело уже в 1905-1906 годах практику захвата власти сельскими комитетами и видело, казалось, близкую победу над тавричанами, с отобранием у них земель. С введением Земства, как бы в насмешку над крестьянами, тавричан посадили им в опекуны. Сельское самоуправление, несомненно, было стеснено. Прибавился новый налог на крестьян, вдобавок несправедливый: крестьяне должны были платить 16 копеек с десятины, а крупные землевладельцы—11 коп., при чем у последних многие земли совсем освобождались от налога.

Крестьяне ненавидели самое слово земство, а Временное Правительство все нововведения старалось проводить через Земство, полагая, что так лучше удержать в подчинении крестьян. Урядники оказались более хорошими политиками, чем агенты Временного Правительства. Ведя, например, агитацию против нового строя и революции в селе Пелагиаде, Ставропольского уезда, они говорили, что переворот сделало Земство. (Сев.-Кавк. Слово, 627).

Большую ненависть крестьян, по сравнению с Земством, из всех новых учреждений заслужили, несомненно, продовольственные комитеты.

14 марта губернский комиссар сообщал министру, что Губернский Продовольственный Комитет уже избран. В выборах Продовольственного Комитета принимали участие 20 различных организаций.

Вслед за этим были избраны уездные продовольственные комитеты и, несколько позднее, волостные. По „Положению“, выработанному Губернской Земской Управой, на волостные комитеты возлагалась обязанность исчислять запасы зерна, имеющиеся у каждого домохозяина волости, что, несомненно, должно было повести к столкновению с крестьянами.

3. Советы до Октября.

Как в Петрограде революция выдвинула 2 борящиеся силы—Совет Рабочих и Солдатских Депутатов и Временное Правительство, так и в Ставрополе, рядом с Комитетом Об-

щественной Безопасности и почти одновременно с ним, был сорганизован Совет Рабочих и Солдатских Депутатов. 6 марта состоялось уже собрание 65 уполномоченных от 38 фабрично-заводских предприятий. 7-го марта в Совете было 100 представителей. Он пополнился депутатами от солдат.

В этот же день и началась работа Совета с посылки телеграммы председателю и членам Временного Правительства. Затем были избраны 10 представителей в Комитет Общественной Безопасности, при чем предпочтение отдавалось опять таки интеллигенции. Трое из них попало в президиум: Строганов, Дементеев и Малороссиянов. Дементеев состоял председателем Совета, а Строганов товарищем председателя и в Совете и в КОБ‘е. Это указывает на попытку установить тесную связь между этими двумя учреждениями. Поэтому долгое время никакой борьбы между ними не замечалось.

Инициатива в Совете была захвачена двумя правыми эс-эрами и меньшевиком, не принадлежавшим к местной партии, игравшему в партии некоторую роль в 1905 году, позже всецело отдавшемуся адвокатской практике. Они и сделались „вождями“ Совета и строго оберегали его не только от влияния левых, но и просто активных социалистов. В подтверждение этого можно привести следующий факт: от 13 депутатов Совета было подано заявление о недопустимости партийных выступлений в Совете, отвлекающих его от „плодотворной“ работы. Можно представить себе, какой злорадной, отвратительной улыбкой кривилось лицо буржуазного КОБ‘а, когда он прочел такое заявление о „благонравном“ поведении Совета.

Совету внушалось, что плодотворной работой является только „профессиональная“ работа: патриотические манифестации, как например манифестации 12 марта, благотворительные кампании, как „день красного цветка“, устроенный 25 марта, сбор с которого пошел частью в помощь освобожденным политическим, частью на приобретение литературы.

Большинство Ставропольских рабочих в то время занято было в предприятиях, возникших недавно, с началом войны. Таковы: 2 суконных фабрики, консервные заводы, мастерские сельско-хозяйственных орудий и др. Рабочие в них не имели еще настоящей пролетарской закалки. Пользуясь отсрочкой по мобилизации, как работающие на оборону, они не имели права по уставу об отсрочках даже переходить из одного предприятия в другое без разрешения хозяина. Следовательно, они находились в военной кабале, которая их угнетала.

Вследствие указанных причин, местный Совет не имел силы, и с ним не особенно считались.

Тесная связь Совета с Комитетом Общественной Безо-

пасности была на руку предпринимателям. КОБ настраивал Совет, а через него и всех рабочих на необходимость усиленной работы на оборону.

КОБ, несомненно, был доволен таким послушным Советом, и в первом же номере своих „Известий“ похвалил Совет: „Совет Рабочих и Солдатских Депутатов существует не напрасно, и работа его весьма умная и полезная“. В начале заметки, из которой приведена выдержка, говорится, что среди организаторов были сомнения, нужен-ли Совет (очевидно, боялись, как бы он не сделался революционным).

Опасения их были не напрасны: когда пробил час, Совет поднял революционную голову и вожди не могли удержать его в повиновении.

Кроме городского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, в войсках местного гарнизона 18 марта был избран Совет Солдатских Депутатов, а также полковые и ротные комитеты. На их обязанности лежало укрепление дисциплины и сглаживание недочетов военной службы.

Попутно через Солдатский Совет велась шовинистская пропаганда. Вот отрывок из одного воззвания Совета:

„Тысячи пушек, сотни тысяч пулеметов и миллионы немецких штыков выставлены против нас, чтобы отнять наше самое дорогое завоевание—свободу и восстановить старый строй.

Не дадим же грубому немецкому сапогу топтать наше свободное знамя и грубо раздавить нашу родину-мать“.

(„Известия“ КОБ-а № 3)

Совет Солдатских Депутатов находился также под влиянием правых социалистов, которые в нем прочно „окопались“ и сидели до самых октябрьских дней. Совет издавал газету „Заря Свободы“ меньшевистского направления. Первый ее редактор Борисов оказался даже провокатором.

Совет Рабочих и Солдатских Депутатов взял на себя почин организации крестьян Ставропольской губернии, поместив в эс-эровской газете воззвание к гражданам. В обращении указывается на необходимость организации крестьян, для чего нужны деньги. Дальше со странным легкомыслием указывается, что.

„Средства легко изыскать: найдутся среди зажиточных граждан лица, сознающие неотложную необходимость организации крестьян... К ним то и обращаемся... пожертвования направлять в редакцию“.....

(„Сев.-Кавк. Слово“, № 623).

Или среди зажиточных граждан не оказалось „сознательных“, или „сознательность“ их не совпадала с сознательностью авторов воззвания, но только дело с организацией крестьян затянулось. Первый губернский с‘езд крестьянских депута-

Гостиница бывш. Пахалова, где помещались Совет Солдатских Депутатов и Комитет партии большевиков.

тов собрался только через полтора месяца после открытия кампании—30 апреля. Он прошел под руководством правых эс-эров. Кроме их аграрной программы, С'езд принял резолюции о доведении войны до победы и о необходимости усиленного отпуска крестьянами продуктов снабжения армии и населения.

3-го мая с'езд крестьянских депутатов избрал Временный Исполнительный Комитет, в который вошли: Л. Малий, А. Иванчин-Писарев, И. Маянц, Е. Дементеев и Слепушкин. Все 5 интеллигенты и жители города. Трое из них вошли в президиум КОБ'а.

На 1-ом Губернском С'езде социал-демократы выступали в заседании солдатской секции делегатов. Доклады делали Пономарев, Иофан, Строганов и другие. Резолюция, принятая солдатской секцией, отличается от эс-эровской, принятой С'ездом. Прежде всего в ней подчеркивается, что „революционный момент требует совместной и дружной работы всех революционных сил .. полной согласованности их действий, в целях победы демократии и социализма.... что революционное крестьянство должно, по примеру рабочих и солдат, об'единиться в Советы Крестьянских Депутатов". Резолюция гласила, что Крестьянские Советы разработают земельный вопрос, а потом добьются решения его в интересах трудящихся усилиями об'единенных Советов Крестьянских, Рабочих и Солдатских Депутатов. Далее идет аграрная программа, отличающаяся от эс-эровской, принятой на С'езде, тем, что в ней совершенно не упоминается о „социализации" и о вознаграждении помещиков пособиями от государства.

В Александровском уезде С'езд крестьянских депутатов от 26 сел происходил 15 мая, в Ставропольском—25 мая, а в Свято-Крестовском Совет Крестьянских депутатов избирался 16 июня, 2-го же августа на чрезвычайном с'езде этого уезда говорили уже о мерах борьбы с неисправным посещением членами Совета заседаний.

Организация Советов в уездах затянулась. И только во второй половине июля уездные Советы были сорганизованы. 22—23 июля Губернский Совет, на котором присутствовало 13 человек, избрал постоянный Исполнительный Комитет из 9 членов, в который вошли все прежние члены, кроме Слепушкина, и 5 новых членов, повидимому по одному из уездов: Черкасов Т. В. (Ставр. у.), Ванин А. А. (Благ. у.), Широков, Михеев И. Н. (член Всеросс. Сов. К. Д.), Землянский П. И. О семи из девяти членов Исполнительного Комитета можно определенно сказать, что они принадлежали к партии С.-Р., при чем 4 из них были избраны в это же время в новый Ставропольский Комитет партии Социалистов Революционеров.

У Губернского Совета Крестьянских Депутатов были средства, из которых он выдавал вознаграждение депутатам от уездов при их поездках на заседания Губернского Совета по 7 рублей суточных и проезд. Средства Совету прежде всего были отпущены Земством в размере 25 тысяч рублей. Из них 3 тысячи было получено в период организации советов, а о выдаче остальных было пред'явлено требование перед самыми выборами в Учредительное Собрание, при чем указывалось, что деньги нужны для усиления работы уездных Советов и для регулярных раз'ездов агитаторов-лекторов.

Половина состава Губернского Совета были интеллигенты. По партийности эс-эры там занимали половину состава. Уездные Советы тоже носили интеллигентско-эс-эровскую мелкобуржуазную окраску. Только в Александровском уезде председателем совета Крестьянских Депутатов был большевик т. Войтик.

В селах в летний период Советов Крестьянских Депутатов совсем не было. Например: в с. Терновском, Ставропольского уезда, с населением в 20 тысяч, Совет Крестьянских Депутатов из 31 человека избран 3-го, а Исполком—9-го сентября.

Организация Советов Крестьянских Депутатов шла сверху и с большими промежутками времени. В селах Советы наспех строились перед выборами в Учредительное Собрание. Поэтому Губернский Совет Крестьянских Депутатов не имел опоры в крестьянских массах. Он не отражал действительных нужд крестьян. Эта организация могла иметь значение только, как связь с селами для собирания голосов при выборах. Такого же мнения о ней были и современники:

> „Не тайной было для нас, что фактически крестьянских советов депутатов не было, что Губернский Совет Кр. Депутатов был простой ширмой для слабой самой по себе эс-эровской партии“.
>
> (Воспоминания Пономарева).

4. Новая власть в селе.

В селах узнали о перевороте через несколько дней после города. Многие села, особенно в Медвеженском уезде, немедленно сделали из этого соответствующий вывод и стали организовывать сами власть. Так, в селе Летницком, Медвеженского уезда, 7-го марта собрался сход в Народном доме в количестве 500 человек и единогласно постановил, в связи с событиями в государстве, избрать Временный Совет из 12 человек, по 4 человека от сельской „сотни“. В Белой-Глине, Медвеженского уезда, избран был почти такой же точно Совет, но назывался он—Исполнительный Комитет. В него во-

шли 32 представителя от 8 „сотен“, 4—от купцов и 4—от остального населения. Временные Исполнительные Комитеты избраны также в селах—Медвежьем, Ладовской Балке, соседней станице Александровской. Состав их, к сожалению, не известен. Полиция и стражники были разоружены. Устраивались везде митинги. В селе Песчанокопском, Медвеженского уезда, из телеграммы комиссару, жалующейся на агитатора, можно видеть и самый процесс, как совершался переворот в селе. Собрание крестьян, на котором агитатор сообщил о перевороте, делает постановление разогнать прежде всего старое волостное правление. Полиция, еще не уволенная, не в силах схватить агитатора, потому что не позволяет население.

По Ставропольскому уезду есть сведения из нескольких сел. В с. Кугульте сменили старшину и обезоружили полицию. В с. Пелагиаде избрали временный комитет из 11 лиц, в который вошли 3 интеллигента. В Безопасном падение самодержавия вызвало ликование, особенно радовалась молодежь. Снятие царских портретов вызвало у присутствовавших улыбки.

Так просто строили крестьяне новую власть, не умея еще поставить вопроса о лишении буржуазии избирательного права совсем. Но совершенно иначе думали головы в Ставропольской Губернской Земской Управе. 12—14 марта Земским собранием были утверждены 2 „Положения“: о выборах уездных и волостных Комитетов Общественной Безопасности и о выборах соответствующих Продовольственных Комитетов. Выборы последних в волостях-селах всецело зависели от первых, так как волостного земства не было.

Правила о выборах Комитетов так хорошо характеризуют расхождение желаний буржуазии и трудового крестьянства, что на них необходимо остановиться. В состав уездного КОБ‘а по положению входили: председатель и члены Земской управы, 3 представителя от земских служащих, 3 от земских гласных, 8 от кооперативных учреждений, 4 от волостных сходов; дальше идут по 2, по 3 представителя от духовенства, управления воинского начальника, кредитных учреждений, печати, учителей, врачей, биржевого комитета. Можно задохнуться от одного перечисления. Но выборы этого комитета не представляли никакой трудности, потому что их можно было провести без ведома крестьян. Поэтому они всегда видели уже готовый Комитет, и в нем старое земство, влезшее „с руками и ногами“.

Для каждого села готовился такой подарок: в КОБ входит от крестьян по 1 человеку на 1000 населения, по 1 представителю от кредитной кооперации, от сельских банков, от потребительской кооперации, от рабочих и от торговых слу-

жащих; не менее 1 от врачей, от почтовой конторы и от духовенства; наконец, не мене 2-х от учителей. Можно, чего доброго, подумать, что в волости, в кредитной кооперации работает 1000 чел., больше 1000 врачей, более 2 тысяч учителей, более 1000 человек на почте, а крестьян и нет будто-бы в селе. Такое было выработано положение, чтобы не допустить к управлению трудовое крестьянство

Такой комитет посадить в селе было не так легко, если крестьяне были посвящены в выборную механику.

В „Северо-Кавказском Слове“ от 17 марта есть чрезвычайно интересная корреспонденция из с. Птичьего Ставропольского уезда. На сходе было предложено избрать Комитет Общественной Безопасности и Продовольственный Комитет, по 10 человек каждый. „Но тут случилось что-то странное,—недоумевает корреспондент,—об‘ясняемое только темнотою нашего крестьянства. Некоторые жители вышли вперед и закричали: вы нам не предлагайте избирать Комитет; мы желаем, во-первых, чтобы не было земства. Долой земство! Долой потребиловку! Долой кредитное товарищество“! Старшина принужден был проголосовать—и за это предложение оказалось большинство.

Теперь поведение крестьян села Птичьего не покажется странным. Можно, пожалуй, лишь удивляться, что они не заявили тогда же—долой почту, долой докторов и учителей, которых насильно ставили в опекуны крестьянам. Крестьяне были возмущены теми учреждениями, где сидел „буржуй“.

Есть села, в которых выборы были произведены более гладко, потому что делались более ловкими руками из губернии и уездов. Например, в с. Петровском, Благодаренского уезда, с населением не менее 20 тысяч человек, в президиум КОБ‘а вошли: врачи, инженер, инспектор народного просвещения и один крестьянин.

В Комитеты Безопасности крестьяне только „привлекались“ по одному на 1000 и, главным образом, сельская кулацкая верхушка. Допустить же к власти крестьянскую бедноту, безземельных—буржуазия опасалась. Но все же беднота иногда проникала в комитеты. Так, в с. Константиновском, сообщает газета эс-эров, не все члены комитета поняли „одинаково и правильно свою задачу“; некоторые члены врывались в волостное правление и спрашивали: „Когда будем делить землю и раздавать хлеб из продовольственного магазина?“. На угрозы они отвечали еще большей угрозой: „Мы можем повесить“. Это были левые члены комитета от голодной бедноты. Дальше сообщается, что некоторым членам пришлось „скрываться в камышах от баб: последние угрожали их повесить“. (Сев.-Кавк. Слово, 18-III). Тут имело место нападение голодающих сол-

даток на правые элементы комитета, которые „правильно“ понимали свою задачу и сопротивлялись раздаче хлеба.

Не подлежит сомнению, что сельское население плохо было осведомлено о совершившемся перевороте. В некоторых селах смотрели на переворот, как на нечто вроде свобод 1905 г. Так, в селе Ивановском, Медвеженского уезда, крестьяне даже в апреле просили сделать им раз‘яснение „о дарованных свободах“. В селе Пелагиаде, после переворота пустили слух „о конеце света и антихристе“.

Так или иначе Комитеты Общественной Безопасности во многих селах угнездились. Иначе обстояло дело с Продовольственными Комитетами, которые вводились по селам одновременно с КОБ-ми. Интересный пример дает подгородное село Татарка. По предложению уездного Продовольственного Комитета здесь нужно было заготовить 5000 пудов хлеба. На сходе, созванном по этому поводу, крестьяне кричали: „хотят последнее выкачать. Не надо нам никаких комитетов. Ничего не надо“. Кое-как сход удалось уговорить: особой комиссии крестьяне разрешили ходить по селу и спрашивать у кого сколько есть хлеба, однако не заглядывая в амбары. Некоторые крестьяне, имея 2 тысячи пудов, говорили, что у них 200 пудов. Заглядывание Продовольственных Комитетов в амбары не могло вызвать сочувствия у крестьян. Повидимому, им так и не удалось учесть зерно, потому что осенью в села была брошена большая партия солдат, специально подготовленных для учета зерна у крестьян.

Часты были в этих комитетах и злоупотребления. Например, в с. Ивановском Продовольственный Комитет отдал отобранное у одного крестьянина колесо от косилки другому крестьянину. В другой раз член того же Продовольственного Комитета присвоил себе быка, сданного для армии, а своего, похуже, сдал. В обоих случаях сход восстановил нарушенное право и добился перевыборов Продовольственного Комитета. Там же при сдаче дел обнаружилась растрата.

Продовольственные Комитеты возбуждали против себя крестьян. Во многих из них „буржуй сидел“ и пользовался отсрочкой по мобилизации. Об этом говорит доклад в Совете Солдатских Депутатов рядового Румянского, обследовавшего села Свято-Крестовского уезда. Он старался доказать неосновательность жалоб крестьян на комитеты. Не отрицая жалоб крестьян на то, что в комитетах „буржуй сидит и на войну не идет“, он старался оправдать это положение целесообразностью. Например, относительно Воронцово-Александровского Продовольственного Комитета он сообщил, что там „буржуй дает взаймы комитету 20—30 тысяч рублей, если понадобится, для расплаты с крестьянами“. Такова защита.

Сказанного достаточно, чтобы понять, почему Продовольственные Комитеты заслужили ненависть крестьян, которая официально засвидетельствована Губернским Комиссаром в докладе начальнику штаба: „Продовольственные организации сделались самыми ненавистными организациями в селах". (Телеграмма от 17 августа).

5. Среди национальных меньшинств.

К северной и восточной части Ставропольской губернии прилегали земли, принадлежащие народам монгольского племени—калмыков, туркмен и ногайцев, сохранивших на протяжении многих лет свои национальные особенности. До революции калмыки управлялись русскими чиновниками; туркмены и ногайцы—назначенными русским правительством приставами: Туркменским и Ачикулакским.

27-го марта в Большедербетовском улусе калмыков, а также в 13-ти родовых поселках улуса были уже организованы Комитеты Общественной Безопасности. При выборах председателя и двух товарищей улусского КОБ-а всплыл национальный вопрос. Причина, вызвавшая его, заключалась в заведомо неправильном составе избирательного собрания, в котором русскому населению давались большие преимущества. Состав избирательного собрания был таков: 10 представителей Большедербетовского улусского КОБ-а, 13—от родовых поселковых комитетов, 2—от калмыцкого духовенства, 2 от кредитной и потребительской коопераций и 8 представителей от русского населения улуса. Таким образом, мы видим, что наряду с представительством от организаций, среди которых были и русские, последние 8 представителей были странным довеском не от организаций, а от русского населения вообще.

Калмыки ничего не имели против участия в выборах русских, поскольку они были представителями от организаций, но возмутились специально русским довеском в 8 человек. На предварительном совещании перед выборами Михайлов-Илэров и еще несколько человек заявили протест. Газета Ставропольского КОБ-а называет выступление Михайлова-Илэрова „человеко-ненавистнической агитацией", в то время, как протест диктовался справедливо оскорбленным национальным чувством.

Демонстративный уход с собрания лидера русских Корвенова и 8 представителей от русского населения вызвал среди калмыков раскол. Ушедшие были приглашены обратно. При закрытой баллотировке Корвенов получил 20, а Михайлов-Илэров—12 избирательных голосов.

Калмыцкая партия исходом выборов осталась недовольна и вела агитацию против президиума.

В Туркмению весть о перевороте привез из Ставрополя пристав Летней Ставки в первой половине марта. Население, созванное приставом из ближних аулов, хотя и заинтересовалось сообщением, но говорить долго никто не решался. Пристав сорвал с себя погоны и предложил избрать Комитет Общественной Безопасности. Комитет был избран. В него вошли врачи, учитель и еще несколько интеллигентов. Касса и дела пристава поступили в распоряжение Комитета.

Однако приказ об отставке Туркменского и Ачикулакского приставов последовал только 3-го апреля, и в приставства выехали Губернский Комиссар и 2 члена Ставропольского Комитета Общественной Безопасности для введения самоуправления.

К этому времени население Туркмении разбилось на две враждебные группы, бойкотировавшие одна другую: одна из них об'единяла все национальности Туркмении: Казанских татар, русских, молокан-экономистов и овцеводов, служащую интеллигенцию, студентов и часть туркмен. Другая группа была чисто туркменская. Во главе ее стояли родовитые богачи Туркмении. Бедняцкое население, а также рабочие распределились между обоими группами.

Первоначально у власти стала первая группа, избравшая из своей среды Комиссара Туркмении, помощника и секретаря. Но родовитая богатая знать вскоре добилась переизбрания комиссариата и, благодаря соглашению с одним из вождей первой группы, сама стала у власти. Участник событий вспоминает, что при этом обоим враждующим группам пришлось отведать казацкой нагайки, конечно, не вождям, а туркменской и татарской бедноте.

Как управляла родовитая знать, об этом можно судить по ее расправе с враждебной ей группой: из Туркмении были выселены все чиновники, учителя, некоторые экономисты и многие учащиеся высших и средних учебных заведений. Стипендии для учащихся были упразднены. Все это было сделано с согласия обще-туркменского с'езда, но корреспонденции из Туркмении об'ясняют, что туркменская беднота, участвовавшая на с'езде, была подкуплена обедами, для которых родовая знать не жалела своих баранов. Они же подчеркивают, что с введением самоуправления „в Туркмении стали возрождаться средне-вековая темнота и средневековая эксплоатация крестьянского населения“. Вот какое самоуправление подарила Туркмении февральская революция.

22 апреля в Ставрополе состоялось собрание украинцев, на котором присутствовало 100 человек. Собрание постановило организовать украинскую громаду и избрало раду. Работать им не пришлось.

В селе Предтеченском, Благодаренского уезда, также проявилось украинское течение. Там крестьяне требовали удаления из Государственной Думы члена думы Н. Мирошниченко. В числе других проступков ему вменялось в вину то, что он арестовал одного гражданина за просьбу раз'яснить населению как работает Дума на понятном украинском языке. Закрытой баллотировкой за удаление его голосовали 301 из 315 чел.

6. Партии.

Выход из подполья Ставропольской группы РСДРП произошел при следующих обстоятельствах. Группа социалистов-подпольников разных направлений, об'единенная тем, что грубо не была допущена на 2-е организационное заседание Совета Рабочих депутатов, решила вызвать из подполья все социалистические силы города. Для регистрации было создано временное бюро. На призыв последнего откликнулось около 60 человек, большинство которых оказались социал-демократы. Бюро просуществовало до первого общего собрания, на котором социал-демократы отмежевались от социалистов-революционеров, составив особую комиссию для взаимных осведомлений. Комиссии этой работать не пришлось. Каждая партия избрала свое бюро. Соц.-демократы установили связь с Центральным Комитетом.

К периоду существования обще-партийного социалистического бюро нужно отнести митинг, устроенный соц.-демократами и соц.-революционерами 10 марта, на котором присутствовало 500 человек. Митингом была послана телеграмма Родзянко, в котором видели „видного организатора переворота, открывающего рабочему классу широкую возможность осуществления своих конечных задач". На митинге было собрано 113 р 72 к. в пользу освобожденных из ссылки.

Рабочая соц-демократическая партия на предприятиях в свободное от работ время устраивала собрания, на которых делались доклады, раздавались листки и партийные газеты. Главное же внимание партии в весенний период было обращено на солдат местного гарнизона, численный состав которого иногда доходил до 10 тысяч человек.

Очень быстро установились связи, и социал-демократы имели возможность устраивать митинги, лекции, вести деловую работу в солдатских выборных органах. В мартовский

М. Морозов.

Организатор подпольной группы большевиков. Секретарь Партийного Комитета в 1917 г. Губернский Военный Комиссар в 1918 г. Зарублен провокаторами в 1918 г. на ст. „Невинномысская“.

период партия социал-демократов знакомила солдат с классовым строением общества и раз'ясняла смысл совершившейся буржуазной революции.

„Не одна маршевая рота ушла из Ставрополя, унося с собой элементы критического отношения к установившемуся буржуазному правопорядку". (Восп. Пономарева).

С начала апреля у революционных соц.-демократов-большевиков стала назревать необходимость самостоятельного образа действий. Этого требовала развивающаяся революция потому, что правое крыло социал демократов, начиная от интернационалистов, опускаясь все ниже, опиралось на „сугубо-соглашательское" офицерство, прочно засевшее в солдатском Совете.

Самостоятельно легальная фракция большевиков сорганизовалась в начале апреля. Поводом к отмежеванию от меньшевиков был вопрос об отношении к Временному Правительству. Но разногласия были, несомненно, гораздо глубже, а именно: большевики стояли за социальную революцию, а меньшевики останавливались на буржуазной. На общем собрании социал-демократов 10—13 апреля после долгих прений тов. Морозов наконец сказал: „Перед нами великая задача. Вперед! Кто чувствует себя сильным бороться за идеи социализма, тот должен покинуть залу".

Первое собрание фракции большевиков произошло в тот же день в Летнем Клубе. Прежде всего было избрано организационное бюро. В него вошли:—В. Морозов, И. Бочагов, Вифляев, Пономарев и Л. Бояр.

Радость товарищей, участвовавших на этом собрании, была так велика, что они не хотели спать, поздравляли друг друга уже тогда с победой социальной революции и в одну ночь успели сделать многое: оповестили телеграммой Центральный Комитет партии об избрании организационного бюро и просили его оказывать помощь новой организации, избрали на Краевой С'езд в Грозный делегата т. Вальяно, при чем тут же собрали между собой средства на ее поездку. Далее назначили на следующий же день митинги среди частей гарнизона, на которых предполагали осветить задачи партии большевиков вообще и местной организации—в частности. (В числе означенных ораторов были—Морозов, Бочагов и Веревкин). Затем было решено выписать 79 экземпляров газеты „Социал-Демократ" и 25 „Правды", а также создать библиотеку, в которую решено было прежде всего собрать имеющуюся у каждого литературу. Заведывающим библиотекой был назначен т. Бочагов. Деньги решено было собрать посредством добровольных взносов. Наконец решили созвать общее собра-

ние партии большевиков, оповестив об этом широко население и гарнизон.

Окончательного размежевания с меньшевиками еще не произошло. Была организована лишь самостоятельная фракция большевиков. Меньшевики на работу фракции, разумеется, не имели никакого влияния. Наоборот, фракция большевиков оказывала влияние на меньшевистскую, и в об'единенном комитете большевики играли руководящую роль.

Необходимо сделать замечание, что для большевиков такое положение было выгодным: с одной стороны являлась возможность использовать в тех или иных случаях левое крыло меньшевиков-интернационалистов; с другой стороны открывалась возможность влиять на ту часть рабочих, которая еще шла за меньшевиками. Кроме того, самые правые меньшевики были совершенно изолированы от партии и они, работая в КОБ'е и Совете Рабочих и Солдатских Депутатов, вынуждены были называть себя социал-демократами, не принадлежащими к местной организации. Они то и забили тревогу, прежде всего Краснов, о размежевании с большевиками, потому что начиналась подготовка выборов в Городскую Думу и „вожди“ могли оказаться без всякой партийной опоры. А в Думу хотелось пройти от партии.

Работа фракции большевиков, сосредотачивалась первое время, главным образом, на солдатской массе. Лозунги, которые давно ждала эта масса, были в нее брошены на первых же митингах. Вот как говорит об этом участник:

„Не помню точно, на следующий или через 2—3 дня, но знаю хорошо, что митинги мы провели *во всех частях гарнизона*... Под лозунгами: „Долой войну капиталистическую, да здравствует война гражданская“...

„Мы сразу всколыхнули солдатскую массу, которая сейчас же потянулась в партию большевиков“...

„Помню, нам очень скоро удалось организовать 2 или 3 ячейки, в которых работали по одному члену партии, и работа сразу закипела. Масса солдат набросилась на орг.-бюро с просьбой дать литературы, но у нас ее пока не было. Выписанные газеты получились в 20 числах апреля“.

(Восп. Веревкина).

Такое же впечатление на солдат произвело и первое общее собрание большевиков. На нем тов. Вальяно делала доклад о Краевом С'езде и по текущему моменту. Солдаты жадно ловили каждое слово и в тот же вечер в бюро записалось человек 20—25 сочувствующих партии большевиков.

Интересно, что уже в это время нашлись элементы, которые пытались сорвать собрание. Когда т. Вальяно стала говорить о капиталистической и гражданской войне, один человек даже влез в окно. Раздавались возгласы: „Бей их. Это

германские шпионы". Но солдаты вывели ворвавшегося, а у окон поставили охрану.

Выступление большевиков среди солдат заставило офицерство об'единиться. У них появилась своя организация под председательством полковника Горшкова.

По отношению к солдатам начались репрессии. Было даже арестовано несколько солдат, участвовавших в собрании большевиков. И если бы полковнику Горшкову не помог скрыться т. Сохацкий, член президиума 8-го гарнизонного Совета, то ему дорого пришлось бы расплатиться за эти аресты перед возмутившейся маршевой ротой. Но и Сохацкому пришлось бы плохо за укрывательство, если бы солдат не успокоили члены Орг. Бюро партии большевиков. Арестованные были освобождены, но их всех отправили на фронт.

Последний факт чрезвычайно важен. Он проливает свет на работу местных большевиков. Ставропольский гарнизон имел непостоянный состав. В него вливались все новые и новые мобилизованные массы, а из него все время отправлялись маршевые роты на пополнение действующей армии. Не будучи в состоянии справиться с большевистским влиянием на солдат, окопавшееся в солдатских советах офицерство старалось отправлять на фронт тех солдат, которые подпадали под влияние большевиков. Такое периодическое кровопускание делало то, что местная организация большевиков усиливалась очень медленно. Но из этого не следует делать вывода, что работа ее была напрасной, сизифовой работой. Напротив, местная организация вела огромную работу, имеющую значение в общегосударственном масштабе. Она отдавала революции свою работу в долг и получила этот долг только значительно позднее, когда из армии в Ставропольские села вернулись солдаты. В каждом селе в лице солдат местная организация имела более или менее подготовленных товарищей, которые принесли лозунги большевиков.

Местная организация большевиков не порывала связи с теми солдатами, которых отсылали в армию. Например, в конце апреля отправили на фронт 1700 человек, уже вошедших под влияние местной организации. Эта часть имела партийную ячейку. Орг. Бюро большевиков командировало вместе с этой частью т. Григорьева, члена партии, для продолжения работы на фронте и для связи с этой частью. Мало того, в эту часть посылалась литература и посылали к ней с разными поручениями солдат из местного гарнизона.

Так заботливо относилась местная организация большевиков к пропаганде среди рабочих и крестьян в серых шинелях. Любопытно, что правые социалисты, овладев командными постами в губернских и городских учреждениях, долгое

время совершенно не замечали какую гигантскую сеть накидывают большевики на всю губернию своей повседневной работой.

Так как в партии сил для работы среди войск было мало, то Орг. Бюро основало кружок политграмоты для подготовки пропагандистов. Руководителем кружка был т. Пономарев. У членов партии нашлись I-й том „Капитала“ Маркса, „Эрфуртская программа“, „Коммунистический Манифест“ и другая литература. Из этих руководств лекторы должны были делать выборки и приспособлять к пониманию слушателей. Занятия были поставлены, как в школе. Кружок должен был прослушать 40 лекций. Сначала записалось в него человек 15—17, но вскоре количество слушателей возросло до 35—40. Поэтому пришлось разбить их на 2 параллельных кружка. Большинство слушателей-солдат были рабочие и меньшинство—крестьяне.

Слушатели с такой жадностью ухватились за науку, что требовали от лекторов прочесть им в один день 2—3 лекции, готовы были слушать до света. Уже недели через две человек 8—10 из этого кружка вели пропаганду среди солдат. Неудивительно после изложенного, что большевики овладели солдатской массой крепко.

Если большевикам удалось в первый же период революции добиться преобладающего влияния на солдатскую массу, то за влияние на городских рабочих пришлось вести долгую и упорную борьбу прежде всего с правыми эс-эрами. А овладеть этим влиянием было необходимо. Число рабочих в то время было 5 тысяч человек. Рабочий класс Ставрополя представлял самое большое организованное ядро среди всего трудового населения Ставропольской губернии. Внимание партии большевиков было обращено на организацию рабочих в профсоюзы.

Прежде всего на всех фабрично-заводских предприятиях после революции возникли рабочие фабрично-заводские комитеты. Цель их вначале ограничивалась защитой экономических интересов своих членов и несколько позже стали проявлять „собственную инициативу и предприимчивость на место хозяйской (из отчета бюро)“ и боролись с безработицей, а также—следили за тем, чтобы предприятие работало без перебоя.

Таким образом, Ставропольские рабочие через фабзавкомы начали приобретать некоторый социалистический навык самостоятельно, помимо воли хозяев, в управлении предприятиями.

Кроме того, Совет Рабочих и Солдатских Депутатов помог об‘единиться рабочим города в профессиональные союзы,

Здание, где помещалось впервые Бюро Профсоюзов в 1917 г.
(Хоперская ул., д. № 7).

которые в свою очередь об'единились между собой, имея общее Бюро профсоюзов,устав которого принят и утвержден 25 июня 1917 г. Сорганизованный рабочий класс Ставрополя дал тот самый центр, вокруг которого потом была построена Советская власть в губернии.

Некоторые из рабочих союзов, как, например, металлистов, возникли еще в 1905 г. С наступлением реакции они были разрушены, но участники бывших союзов дожили до второй революции. Нашлись рабочие, бывшие членами правлений союзов, и удалось разыскать кое-какие остатки имущества рабочих союзов и клубов 1905 года. Этим и об'ясняется быстрота организации союзов в 1917 году: достаточно было одного общего собрания рабочих, чтобы положить основание союзу, тем более, что уставы их заранее подготовлялись Профессиональной Комиссией при Совете Рабочих и Солдатских Депутатов. В течение марта и апреля 1917 года почти все рабочие и служащие города уже были об'единены в союзы. Необходимо отметить, что большую услугу по организации рабочих оказал союз металлистов, сорганизовавшийся 25 марта. По его почину 9 апреля было созвано собрание рабочих города всех профессий, на котором присутствовало около 1000 человек. На этом собрании представитель от социал-демократической партии сделал доклад о профессиональном движении рабочих. Тут же рабочие сделали сбор в пользу комитета социал-демократической партии, давший более 100 рублей.

Профессиональные союзы Ставрополя имели в своем составе много членов из сел.

Тормозом при организации союзов оказался Ставропольский Окружной Суд. По разным формальным предлогам он оттягивал регистрацию союзов, возвращая заявления по нескольку раз: то оказывалось, что заявление подписано правлением, а не учредителями союза, то подписи учредителей оказывались не засвидетельствованными нотариусом, или неправильно оплачен гербовый сбор, или, наконец, не было приложено надлежащего числа экземпляров уставов. Все это создавало такую волокиту, что некоторые союзы не могли добиться регистрации совсем; некоторым понадобился для этого почти год; например: союз коммерческих служащих подал первое заявление о регистрации 23 июля 1917 г., регистрация же состоялась только при 3-й подаче заявления 15-го февраля 1918 г., уже при советской власти. Некоторые союзы совсем не пожелали регистрироваться.

В двух союзах,—кожевников и строителей,—большевикам сравнительно скоро удалось упрочить свое влияние, в других же дело шло медленнее. В Бюро профессиональных союзов

хотя и входили большевики, но по числу в нем преобладали правые социалисты.

Другой класс, из-за влияния на который велась борьба, был Ставропольское крестьянство, составляющее большинство населения губернии. Всего в губернии в 1917 г. было 174698 крестьянских дворов с числом 1.179681 душ обоего пола. Крестьянское население распадалось на 2 группы—коренных крестьян и иногородних. Отчет Статистического Комитета дает такую характеристику иногородних: „Иногородние не имеют возможности заниматься земледелием; фабрично-заводская промышленность отсутствует; это выработало из них крайне неустойчивый и беспокойный элемент, уже давно обративший на себя внимание Ставропольской администрации".

В последних перед войной обзорах губернатора указывается, что 37 тысяч иногородних удалось устроить на свободных участках, но 100 тысяч попрежнему оставалось предметом „заботы" администрации.

Чем же жила эта масса? В летнее время огромная армия безземельных поступала в батраки к зажиточным крестьянам и крупным землевладельцам. Но и с коренным крестьянским населением через 3 года войны не все уже обстояло благополучно. Война забирала работников и разоряла крестьянские хозяйства. Накануне революции 1916 г. перепись установила, что 40.285 крестьянских дворов или почти четвертая часть от общего количества крестьянских дворов не имели работников мужчин, а 6.000 хозяйств не имели совершенно ни работников, ни работниц.

Увеличилось количество бедняцких хозяйств.

Кроме того, все средняцкое население было значительно стеснено недостатком товаров, а также угнеталось буржуазией в лице земства и комитетов. Все это создавало революционное настроение среди крестьян и достаточно было появиться агитатору, чтобы разогнать волостное правление, как было в селе Песчанокопском, или разогнать КОБ, что имело место в с. Сергиевском.

Крестьяне ненавидели воинствующую буржуазию.

В виду этого, перед соц.-демократами-большевиками стояла задача овладеть стихийным революционным движением крестьян и, об'единив его с движением рабочего класса, довести до победы над капитализмом.

Задача правых эс-эров сводилась к тому, чтобы удержать крестьянство от революции обещанием реформ. Посредством сельской буржуазной интеллигенции и зажиточных слоев деревни им удалось в течение 8 месяцев вести крестьянство за собой, но потом революционное крестьянство резко порвало с ними и пошло за большевиками.

Второе здание где помещалось Бюро Профсоюзов,— после того, как владелец выселил Профсоюзы из первого дома (находится на Михайловской ул., № 17).

Заканчивая главу о политических партиях, нужно упомянуть, что у правых эс-эров была газета „Северо-Кавказское Слово“. К ним примыкала небольшая группа народных социалистов.

Главной буржуазной партией была партия „Народной Свободы“ (К.-Д.) Сфера ее влияния—крупная промышленная и торговая буржуазия, землевладельцы и духовенство. У нее была также газета „Северо-Кавказский Край“. Сила ее заключалась в командном составе войск, в капиталах, а также в земском и городском самоуправлении. Эту же партию, если взять в государственном масштабе, поддерживала и иностранная буржуазия, а в Ставрополе ее поддерживали правые социалисты вместе с Комитетом Общественной Безопасности.

7. Война и население.

Город Ставрополь, как и весь Кавказ, был переполнен ранеными. Война же требовала все новых жертв. Ставропольские рабочие и крестьяне должны были поставлять все новые и новые тысячи солдат. Буржуазия хотела довести грабительскую войну „до победного конца“. Ставропольская буржуазия, наживаясь на военных поставках, имела вдобавок полную возможность уклоняться от мобилизации. Недаром крестьяне говорили, что в Продовольственных Комитетах „буржуй сидит и на войну не идет“. Конечно при таких условиях буржуазии воевать было легко: и патриотично, и прибыльно, и не опасно.

Главный орган буржуазной губернской власти, Комитет Общественной Безопасности, в согласии с Временным Правительством был сторонник не просто войны, а войны наступательной. В средине июня он открыл запись добровольцев в так называемые „ударные“ батальоны и в первые два дня записалось 21 человек. Эти батальоны назывались также „революционными“, батальонами „Керенского“ и батальонами „Смерти“. Они состояли, главным образом, из буржуазной молодежи. Назначение этих батальонов—начать наступление и увлечь за собой армию. Не может быть сомнения в том, что эти же батальоны должны были впоследствии задушить революцию.

За Комитетом Общественной Безопасности тянулась Ставропольская беспартийная интеллигенция. Союз Ставропольских учителей провел 11 июня по всей губернии день „Праздника Свободы“, состоявший в сборе пожертвований на войну. Газета эс-эров, приветствуя этот праздник, все же отметила, что преобладают мелкие пожертвования—кольца, брошки и т. п. украшения, золотые же сундуки не открылись. Буржуазия тащила только себе в сундук, но не из сундука и кричала „война до победного конца“.

Отношение к войне Ставропольского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, а также социалистических и других партий лучше всего видно из подготовки и проведения праздника 1 мая.

Из Москвы в Совете Рабочих и Солдатских Депутатов было получено сообщение, что Петроградский и Московский Советы постановили празднование провести 18 апреля под лозунгами—„интернационал, мир, братство народов, декрет о 8 часовом рабочем дне"; отработать этот день 16-го апреля в воскресенье, а деньги отчислить на красный подарок армии—на литературу. Ставропольский Совет принял эту программу с добавлением, что деньги должны итти и на другие нужды солдат в окопах, и постановил сделать об'явление о празднике. В газете было указано число и порядок празднования, но лозунгов не было. Ко дню праздника газета вышла с текстами революционных песен.

16 апреля возник в Совете вопрос об отношении к войне, так как с ним были связаны и лозунги праздника. Исполнительный Комитет Совета, ссылаясь на то, что этот вопрос неоднократно обсуждался, предложил принять свою резолюцию:

> „Отрицая в принципе всякую войну... но считаясь с тем, что настоящая наша война приняла характер войны за нашу свободу, за наше равенство, за наше братство, и что наше поражение на фронте неизбежно повлечет за собой потери всех добытых народом свобод, Ставропольский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов считает необходимым довести войну до победы над германцами...“.

Шовинизм этой резолюции бьет в глаза и может служить самой лучшей характеристикой „вождей“ Совета и правых социалистов, которые стояли за войну, за убийство народов в угоду капиталистам.

В первомайском праздничном шествии по главной улице, начавшемся от сборного пункта у Тифлисских ворот*), во главе с Советом Депутатов, приняли участие 112-й полк, казачья сотня, рабочие и служащие, трудовое мещанство и учащиеся.

В описании демонстрации в газете эс-эров указывается, что преобладали международные социалистические лозунги праздника, но было несколько и подозрительных по своей доброкачественности. Однако на них и обратила внимание, их и приводит газета КОБ'а. У 9 роты на стяге надпись: „Вперед на фронт. Не дадим коварному врагу вырвать у нас дорогую свободу“. У 13-й роты—кадетская программа на знамени: „Солдаты—в окопы. Рабочие—к станкам. Война до победного конца. Всемерная помощь Временному правитель-

---

*) Тифлисские ворота изображены на обложке этого очерка.

ству“. Наконец донцов наградили неопределенными лозунгами: „Долой темные силы“.

Одна группа учащихся имела знамя с надписью „Красная Армия“. Несомненно это было грозное пророчество для буржуазии.

Во время шествия демонстранты пели в числе других революционных песен также „Интернационал“. Польская группа рабочих пела песни на польском языке—„Варшавянку“, „Червоны штандар“ и другие. Комитет Общественной Безопасности приветствовал демонстрантов и призывал не обострять классовой борьбы, что значило не трогать капиталистов и помещиков. Праздник закончился митингами на верхнем базаре и в помещениях школ.

В числе других ораторов, выступавших на митингах, были Иофан (с.-д.), говоривший о социализме утопическом и научном, и большевик Толстов, раз‘яснивший значение международного пролетарского праздника 1 мая.

Большевики перед 18 апреля проводили митинги во всех частях гарнизона под лозунгами: „Долой войну капиталистическую! Да здравствует война гражданская!“. Это и были первомайские лозунги большевиков.

Картина ясная. Рабочий класс Ставрополя в день своего праздника откололся от своих правых „вождей“ и выдвинул лозунги большевиков. Лозунг правых социалистов имела только 9-я рота.

Кадеты тоже мало урвали: 13-ю роту, новую, и, пожалуй, донцов. А где же лозунги остальных 14 рот? Почему „Известия“ о них умолчали? Они шли с лозунгами большевиков.

Ставропольская буржуазия праздником была недовольна. Газета „Северо-Кавказский Край“ отозвалась на праздник статьей „Под митинговым деспотизмом“. В резких выражениях она нападала на ораторов за то, что они говорили с балкона дома, в котором лежала больная жена кандидата в предводители дворянства Бурсака и больной сын быв. губернатора Оболенского. Буржуазия считала недопустимым речами причинять беспокойство дворянам.

Вскоре после праздника были запрещены Комитетом Безопасности митинги под открытым небом.

Отголоском раскола рабочих и солдат с „вождями“ Ставропольского Совета явился вопрос о перевыборах президиума Совета, поднятый на следующем же после праздника заседании. Президиум нашел возможным отклонить перевыборы под тем предлогом, что Совет в скором времени пополнится представителями ротных комитетов, а потому тогда удобнее сделать перевыборы.

В связи с обнаружившимся сдвигом трудовых масс влево,

и в Комитете Общественной Безопасности возник вопрос о выборе президиума с более определенной партийной окраской, и Дидрихсон („беспартийный“ буржуй) через несколько дней после майского праздника, сложил с себя обязанности председателя КОБ‘а.

Об отношении Ставропольского крестьянства к войне будет сказано в связи с вопросом о продовольственном кризисе. Здесь же попутно нужно отметить, как села праздновали 1 мая.

В с. Медвежьем учителя устроили демонстрацию; митингов не было, и население не понимало даже, почему 1 мая празднуют 18 апреля. В Белой Глине и Терновке привлекли к празднованию даже духовенство. Праздник носил характер деревенской народной демонстрации. В сел. Петровском праздник имел пролетарский характер. Вопрос о нем поднял Исполнительный Комитет Совета местных организаций труда, при чем население было оповещено афишами. В 10 ч. утра организации труда явились к скверу с портретами Маркса и Шевченко, а также с красными знаменами. Один из граждан предложил отслужить молебен. Но главный организатор праздника т. Петров заявил, что рабочие в этот день молебнов не служат, и что перед началом митинга будет гражданская панихида по погибшим борцам революции. На митинге выступал Петров и доктор Емец, говоривший о 8-м-часовом рабочем дне.

Нужно упомянуть еще о двух фактах, где снова выступает вопрос об отношении к войне Ставропольского Совета Депутатов и партий.

28 июня Советом Рабочих и Солдатских Депутатов была принята резолюция приветствия армии по поводу ее перехода в наступление. Большевики выступали против резолюции, но она была принята большинством всех при 5 воздержавшихся.

В этот же вечер состоялось заседание комитета С-Д. партии, на котором присутствовало несколько членов партии. Обсуждался вопрос об отношении к дню „Займа Свободы“, который устраивал 29 июня Губернский Комитет Общественной Безопасности.

Большевики стояли на точке зрения программы не поддерживать ни буржуазное правительство, ни его войну, ни его займы. Среди меньшевиков был разнобой. Некоторые из них стояли за поддержку займа. На этот раз Комитет пришел к такому решению: не выступать ни за, ни против займа на митингах Комитета Безопасности.

На другой день трое из большевиков—Вальяно, Толстов и Бочагов, не могли удержаться. На митинг собралась масса слушателей, среди которых, кроме интеллигенции и мелкой буржуазии, было много рабочих, городской бедноты и солдат, поэтому упомянутые большевики решили выступить вопреки

принятому постановлению. Вальяно говорила с трибуны около Троицкого бассейна. Ей эс-эры мешали говорить из толпы, но все же она довела речь до конца. Многие рабочие и солдаты сочувствовали выступлению.

Толстов и Бочагов выступили на митинге около Государственного Банка.

Так было на митингах Комитета Безопасности. Но в других районах города выступление большевиков было по постановлению своего Организационного Бюро и имело огромный успех. Слушатели мешали говорить ораторам в пользу займа и приветствовали большевиков. С окраин города приходили крестьяне в Организационное Бюро и просили прислать к ним ораторов большевиков.

Поступок выступивших самостоятельно ораторов-большевиков подвергся обсуждению на общем партийном собрании, созванном меньшевиками через несколько дней. Рабочая партийная масса, аплодировавшая Толстову и Вальяно, которые доказывали с программой в руках необходимость выступления, не увидела проступка в этом факте. К тому же интернационалисты голосовали за доверие выступавшим. Предложение меньшевиков о наложении дисциплинарного наказания на высупивших большевиков было отвергнуто.

8. Земельный вопрос и земельные комитеты.

В Ставропольской губернии аграрного движения, такого, как в центральной России, почти до конца 1917 года не было. Это об'ясняется тем, что коренное крестьянство землей было обеспечено в достаточной мере: 11 десятин запашки на наличный двор в среднем и 14 десятин на сеющий двор. Безземельное же крестьянство было разбросано по всем селам губернии.

Однако Ставропольское крестьянство было настроено в течение всего революционного периода крайне тревожно и достаточно было искры, чтобы начались погромы имений.

Дело в том, что приведенные выше средние цифры, вовсе не говорят о благополучии всех крестьян. Среди коренного населения к 1917 году было значительное число бедняцких хозяйств, утративших свои наделы. По сельско-хозяйственной переписи 1917 г. имелось в губернии 40.689 дворов без посева (или 23,2% к общему количеству 174.698 крестьянских дворов губерний). Хозяйств имевших посев до 5 десятин на двор имелось 16,76%. Помимо этого третья часть хозяйств совершенно не имела рабочего скота. Общественные земли стягивались в руки кулаков и зажиточных крестьян. Царское

правительство содействовало закреплению земель в их руках. Поэтому после свержения самодержавия, о чем упоминалось раньше, в волостное правление приходили крестьяне и спрашивали: „Когда будем землю делить?“. Неправильное распределение земель и об'ясняет ненавистьСтавропольского крестьянства к буржуям, которых они видели прежде всего в лице своих односельчан-кулаков, захвативших землю бедноты.

При национализации земли, чего требовала программа большевиков, земельный вопрос в губернии разрешался полностью, так как в распоряжение государства переходили, кроме общественных земель, в значительной степени захваченных кулаками, еще 425 тысяч десятин.

Из них:

частновладельческой	214.259,67	дес.
казенной	85.029,97	дес.
крестьянских банков . . .	112.802	дес.
церковных и монастырских .	12.908,36	дес.
Всего	425.000	дес.

Крупные землевладельцы, а также духовенство били тревогу потому, что над их землями висела национализация. Для защиты своих прав землевладельцы образовали „Союз Ставропольско-Терских хозяев и овцеводов“. 17 августа в Ставрополе состоялся так-называемый С'езд „хлеборобов“. На нем совещались крупные землевладельцы губернии. Их под свою защиту взяла партия кадетов, руководившая С'ездом.

Епископ Михаил Ставропольский также волновался, опасаясь потерять лес. В архиве сохранилось его письмо архиепископу Агафодору, в котором он спрашивает совета, не продать ли лес; жалуется, что разговоры о социализации не дают ему спать. Вот что писал архиерей: „По моему, нужно возможно скорее разрешить продажу просимых городом 45 десятин земли. Нужно поспешить пока не об'явлена еще, пока не началась пресловутая социализация монастырских земель и угодий. А эта социализация при настоящем строе государственном войдет в силу не сегодня—завтра. А тогда уже будет поздно продавать эти 45 десятин, ибо никто не будет их и покупать и прежде всего откажется от этой купли-продажи сам город, не имея возможности сделаться владельцем приобретенного. Владельцем станет народ, который не преминет, конечно, перевести его во-свояси бездарно и беспошлинно. Этого нужно бояться и бояться шибко, поскольку события нарастают с ужасающею быстротою“. Архиерей боялся, что лес и земля перейдут к трудовому народу.

В конце письма он выражает утешительные мысли, что „может быть это все так, может быть ничего и не будет“.

У „хлеборобов“—тавричан-помещиков и кулаков такой надежды во второй половине сентября уже не было. Общее собрание „Союза Ставропольско-Терских хозяев и овцеводов“ возбудило ходатайство перед Губернским Комиссаром, чтобы он принял меры против „захватных и даже анархических действий уездных и волостных земельных комитетов“. Дальше в ходатайстве указывается, что они могут принять и свои меры, только пусть он им разрешит иметь для защиты оружие и надежную вооруженную охрану.

Земельные Комитеты, о которых упоминают „хлеборобы“, возникли после февральской революции. Сначала был утвержден Временным Правительством Центральный Земельный Комитет для заведывания всеми государственными имуществами и для подготовки земельной реформы. Для той же цели по губерниям, уездам и волостям также предполагалось учредить земельные комитеты при земствах. Местные комитеты при возникновении земельных споров должны были играть роль примирительных камер. С учреждением местных земельных комитетов Временное Правительство не торопилось, оттягивая под разными предлогами их введение в жизнь. В Ставрополе Губернский Земельный Комитет был избран только в средине июня. Его избирали по тому же образцу, как Комитет Общественной Безопасности. В президиум комитета вошли Пономарев (большевик), Слепушкин и Назаров. Правые эсэры, отдавая свои голоса Пономареву при выборах председателя, принимали во внимание прежде всего всестороннюю его образованность. Их газета, сообщая о выборах членов комитета, подчеркивает, что меньшевик Строганов прошел голосами кадетов и беспартийных („Северо-Кавказское Слово“, 20-VII). Это показывает, чьи интересы защищали меньшевики и эс-эры.

Уездные комитеты избирались в июле, а волостные в сентябре после выборов волостных земств.

В средине июля Губернский Земельный Комитет сделал обращение ко всем партиям, чтобы они развили пропаганду среди крестьян по земельному вопросу, а также занялись распространением популярной литературы по тому же вопросу.

В этом обращении чувствуется влияние большевиков, которые считали, что земельный вопрос должен решиться не комитетами, а революционным движением рабочих и крестьян.

Правые социалисты не откликнулись на этот призыв, а против Пономарева, как и против всех большевиков, ими началась уже травля. Губернский Комитет Безопасности вынес постановление, что пребывание Пономарева в президиуме Зе-

мельного Комитета не желательно. Назначенный уполномоченным Временного Правительства по организации земельных комитетов в Ставропольской губернии Маянц при выборах Ставропольского уездного Земельного Комитета внес предложение протеста против пребывания Пономарева в должности Председателя Губернского Земельного Комитета. Предложение было принято. Любопытно, что тут же землевладелец Глущенко внес предложение об удалении самого Маянца с занимаемой им должности. Пономарев, вследствие травли, вынужден был отказаться от председательства в Комитете.

Комитеты на местах были избраны, но „Положение о Земельных Комитетах", т. е. указания, что они должны делать, застряли во Временном Правительстве на полгода—с 21 апреля по октябрь. А законопроект о земельной реформе, выработанный Масловым, не раз переработанный и измененный, был утвержден Временным Правительством 24 октября, но не весь, а наполовину. И Ставропольский Губернский Земельный Комитет в декабре решал вопрос, как быть с утвержденной половиной законопроекта, принимая во внимание с одной стороны свергнутое Временное Правительство, а с другой—Советскую Власть. „Обсуждение шло неторопливо, юридически обоснованно, по пунктам" (Северо-Кавказское Слово, 5-XII,831). При таком способе решения аграрного вопроса крестьяне никогда не получили бы земли.

Землевладельцы, ходатайствовавшие о разрешении нанять вооруженную силу, несомненно были лучшими политиками, чем правые социалисты: никакого соглашения о конфискации помещичьих земель они допускать не хотели. Значит не могло быть и реформы. Земли можно было взять только вооруженной силой, к чему и призывали большевики.

9. Отклики на июльские события.

В Ставрополе соглашательские организации поторопились откликнуться на июльские события в Петрограде с выражением порицания большевикам. Сначала умеренно, а потом постепенно тон повышался и началась полная травля большевиков.

Президиум Совета Рабочих и Солдатских Депутатов откликнулся первым, выразив солидарность с Центральным Исполнительным Комитетом Советов и готовность проводить его решения на местах.

Затем об'единенным собранием партийных и демократических (читай соглашательских) организаций принимается резо-

люция, осуждающая июльское выступленне и намечающая меры борьбы с большевизмом.

„... Собрание... признавая деятельность безответственных сил крайне гибельной для дела свободы, постановило:

1) Выпустить ко всем гражданам губернии воззвание с изложением событий... и указанием на необходимость борьбы с анархией, откуда бы эти начала не исходили.

2) Поддерживать всею силою морального авторитета и всею мощью своих организаций органы исполнительной власти на местах в их борьбе с анархией и дезорганизацией, при чем, в случае крайней необходимости, власть должна применять не только убеждение, но и всю силу государственного принуждения.

Эта же резолюция была проведена и в Совете Рабочих и Солдатских Депутатов. Губернский Комиссар принял меры и с своей стороны напомнил обязательное постановление от 6 мая и затем обратился к начальнику гарнизона с просьбой предоставить в его распоряжение донскую сотню на 10, 11 и 12 июля. (Отношение Комиссара 2452).

Начальник милиции задержал в своем распоряжении 50 военных милиционеров.

Большевики Ставрополя в первое время даже не могли защищаться, потому что, вследствие отсутствия столичных большевистских газет, сами не понимали подкладки июльского выступления. Поэтому на собрании партийных и демократических организаций большевики указывали на то, что необходимо подождать получения более подробных сведений. В газете эс-эров есть краткое сообщение о выступлении тов. Пономарева в Совете Рабочих и Солдатских Депутатов, где обсуждались и июльские события. Полемизируя с Иофаном. т. Пономарев заявил: „кровь, пролитая на улицах Петрограда,—это наша,—большевиков,—кровь".

Обещанное приводившейся резолюцией „воззвание с изложением событий" под редакцией Комитета Общественной Безопасности превратилось в глупую клевету. Начало его таково:

„Мятежники, руководимые большевиками и вдохновляемые германскими шпионами..."

продолжение еще хуже:

„Знайте же, братья-граждане, что агенты Германии в тесном содружестве с большевиками" и т. д.

Правда, клевета столичного происхождения, но местные газеты ее подхватили—„Известия", „Северо-Кавказский Край", „Северо-Кавказское Слово" и даже социал-демократическая „Заря Свободы" травили большевиков, не стесняясь прибегали к сплетням.

„Известия“ вели дело методически: выдергивались из газет ничтожные сообщения и выпускались с агитационными заголовками в роде—„Арест большевиков“, „Бойкот Ленинцев“, „Бесчинства большевиков“, „Большевистская контрреволюция“.

„Северо-Кавказский Край“ даже требовал ареста интеллигентных представителей Ставропольского Комитета партии социал-демократов-большевиков.

В связи с клеветой контр-разведки, в роде того, что военной цензурой установлен непрерывный обмен телеграммами и депешами политического характера между германскими агентами и большевистскими вождями (Северо-Кавк. Слово, 714), буржуазия и сотрудники газеты теряли голову от ярости. Вот выдержки из газеты „Северо-Кавк. Слово“ из статей местного творчества:

> „Организующим центром уголовного люмпенпролетариата и захватчиков явился поклонник германской культуры—Ленин... Русская демократия выставляет отказ от аннексий, большевики же своими лозунгами содействуют аннексиям в пользу Германии“.
>
> (Газета „Сев.-Кавк. Слово“. 712).

Автор, чтобы травить большевиков, прибегает к клевете. Не правые-ли социалисты вместе с кадетами в апреле отправили сообщение, что будут по-прежнему продолжать войну до победы по договору, заключенному Николаем II? Против этого тогда выступил пролетариат Петрограда. История опровергла полностью клевсту буржуазных писак.

> „Армия отступает... Солдаты бегут. Заработали предательские ядовитые языки. Появились большевики.. Рука об руку с подонками страны... Да будут они прокляты тысячу раз“...
>
> (Передовая газеты „Северо-Кавказское Слово“, № 716).

Передовику не следовало бы впадать в истерику. Армия отступала уже много месяцев еще до свержения самодержавия. Высший командный состав царской армии в это время готов был отдать немцам всю страну, чтобы задушить „чистый лик русской революции“.

> „Долой войну!“- Кто говорит это,—римский Пилат, предавший Христа на распятие“.
>
> (Передовая, 716).

Такому „социалисту“ лучше всего было бы надеть ризу и поучать темных людей в тесном единении с попами.

Теперь можно смеяться над этой газетной свистопляской. Но тогда травля могла иметь тяжелые последствия. Были даже попытки избиения рабочих-большевиков. Травля выну-

дила местную организацию обратиться к министру внутренних дел Церетели с просьбой оградить их от возможности эксцессов, при чем были приложены воззвание Комитета Общественной Безопасности и другие документы. Это немного встряхнуло местную „демократию“. В Комитете Общественной Безопасности обсуждали жалобу большевиков и пришли к тому „заключению“, что Краснов (председатель Думы) в своих речах не травил их, комиссар тоже не травил, в воззвании тоже не было натравливания, и что вообще никакой травли не было. На этом же собрании постановили допустить в президиум по одному представителю от всех партий, кроме большевиков.

Травля стала спадать, когда заметили, что перегнули палку, работают вместе с монархистами—Пуришкевичем и компанией. 25 июля эс-эры в передовой пишут уже по адресу монархистов:

> „Демократия видимо... слишком взяла курс вправо, и в горячке момента слишком перегнула палку в другую сторону, и вот гиены завыли“.
>
> („Сев.-Кавк. Слово“, 726).

Интересно отметить, что на период июльской травли приходится наибольшее количество конфликтов и забастовок на предприятиях в Ставрополе. 30 июня союз печатников пред‘явил требования ко всем предпринимателям об увеличении заработной платы и улучшении условий труда. Приблизительно в это же время об‘явлена забастовка союзом домашней и ресторанной прислуги. 30-го же июня прекратились работы на кишечном заводе Брандаса. В начале июля заявили протест прядильщицы по поводу закрытия Земгором на 2 месяца прядильной мастерской. 25 июля началась забастовка на мельнице Милосердова. 27 июля печатники об‘явили забастовку, вынудили предпринимателей пойти на уступки, кроме одной типографии. Из с. Большой-Джалги рабочие вальцевых мельниц жалуются в газету в июле, что они изнурены непосильной 18-ти-часовой работой и низкой заработной платой. („Сев.-Кавк. Слово“, 726).

Июльские события повели к разрыву большевиков с меньшевиками. Это произошло в первой половине июля. В газетах есть указания, что 23 июля состоялось уже второе общее собрание меньшевиков по вопросу об окончательном разделе библиотек и другого имущества, что было поручено сделать Исполнительному Комитету Партии. Большевистская фракция в этот момент насчитывала 23 члена. Вот личный состав партии в это время: Морозов, Пономарев, Бочагов, Завалишин, Вальяно, Толстов, Мирошниченко, Веревкин, Шевченко, Носов, Ходус, Литвиненко, Хоронько, Евдокимов, Виф-

ляев, Бояр, Скляров, Сохацкий, Троицкий, Григорьев, Сараев. Косенко и Петров.

В период травли партия большевиков ушла в подполье. Собраний устраивать было нельзя. Многие большевики не могли являться даже на заседания Орг. Бюро. Начались репрессии в армии и среди солдат, и партийная работа очень сократилась. Большевикам-солдатам было заявлено, что они будут изолированы, если их заметят в агитации за большевизм.

Партия меньшевиков после раскола пришла в упадок.

В период июльской реакции был уволен Александровской Уездной Земской Управой председатель совета сельской гимназии Войтик, левый социалист, примкнувший впоследствии к большевикам. Из солидарности все преподаватели гимназии подали в отставку. Войтик был председателем Уездного Совета Крестьянских Депутатов. В сентябре земское собрание разбирало этот вопрос. В предоставленном Войтику слове он раз'яснил по поводу его увольнения:

„Здесь идет борьба не лиц, а классов: борьба беднейшего и трудового крестьянства с крупными частновладельцами, тавричанами; борьба совета крестьянских депутатов с союзом хлеборобов, Кто за совет крестьянских депутатов, голосуй за Войтика, кто за союз хлеборобов,—голосуй за предложение Управы".

(„Заря Свободы" 69).

За оставление Войтика—учителя голосовали 23 против 10-ти. Управа после этого подала в отставку.

В связи с июльскими событиями из Тифлисского штаба запросили Комиссара в каких пунктах губернии можно разместить 2 батареи—около 1300 солдат и около 700 лошадей. Села на запрос Комиссара ответили, что помещений нет. Батареи в губернию не были переведены.

Под знаком июльских дней прошли выборы в Ставропольскую Городскую Думу „по всеобщему избирательному праву". Подготовка к выборам началась несколько раньше. И большевики сначала выступали от об'единенной социал-демократической партии. Цель блока прежде всего была в том, чтобы привлечь трудовое мещанство на сторону социалистических партий, оторвав их от приходских советов, руководимых духовенством. Совет депутатов мещан-трудовиков высказался за блок с социалистическими партиями, но духовенство и мещанский староста высказывались против. Их влияние вскрылось особенно ярко на общем собрании мещан 2 июля. За блок высказывались представители мещанского Совета, а также представитель партии социал-демократ-большевик Толстов. Однако резолюцию о блоке провести не удалось. 4-го июля в Совете Рабочих и Солдатских Депутатов также обсуждался вопрос о блоке, и от партии социал-демократов выступал опять

Толстов. Это подтверждает, что до июльских событий раскола еще не произошло. Если принять во внимание, что писалось эс-эровской газетой о большевиках после июльских событий, то станет вполне понятным, что в блок их включить они не могли. Большевики после раскола должны были выступить самостоятельно. Для этого нужно было составить свой список гласных и представить его в избирательную комиссию за известным числом подписей. Все это проделать в атмосфере травли было не легко. Но список все же был представлен, хотя к выборам допущен не был. Вероятнее всего предположить, что придрались к сроку подачи списка. Современник об этом вспоминает: „в избирательных комиссиях много сидело юристов и найти повод к устранению списка большевиков было не трудно". (Восп. Пономарева).

Победа на выборах 6 августа демократического блока дала Думу с подавляющим числом членов блока—соглашателей.

После июльских событий замечается торопливость со стороны Временного Правительства к укреплению своей власти на местах. 18 июля Министр Внутренних Дел телеграммой предложил Комиссару закончить выборы волостных земств к 30 сентября, и выборы назначить в один день. Волостное земство должно было упразднить все до и после революционные виды власти в селе: волостные сходы, правления, Комитеты Общественной Безопасности, Продкомы и Земельные Комитеты. Вместо Продкомов и Земельных Комитетов земство учреждало соответствующие отделения. С учреждением волостных земств Ставропольский Комиссар торопился, но выборы делались в разное время. В августе он сообщил министру, что личный об'езд губернии убедил его, что к 1—2 сентября выборы волостных земств будут закончены; что отстает только земство в г. Святом-Кресте, не имея никаких средств. В этом же докладе Комиссар вынужден был сделать горестное признание: „Несмотря на самую широкую демократизацию, отношение населения к нему (земству)—враждебное". Для выяснения отношения крестьян к „демократическому" земству, кроме этого свидетельства, можно сослаться еще на „демократизацию" уездного земства в селе Александровском, происходившую 28 мая. Крестьяне явились с наказами от волостей и подняли прежде всего вопрос: „как уничтожить земство". Приезжим из губернии эс-эрам пришлось затратить много сил, чтобы уговорить крестьян составить земство.

Крестьяне не хотели земства. В волостях они вводились насильно. Комиссар ошибся, что земства будут избраны к 1—2 сентября. Земства избирались и в сентябре в тех селах, где крестьяне категорически отказались от земства. Но во всех селах были избраны земства только в декабре. В об'явле-

нии о выборах представителей от земств на губернский с‘езд указывалось—„где земств нет, там избирать от сходов“. Не удалось создать и хорошей сельской милиции, подчиненной земству, что Комиссар об‘яснил в одном из докладов некультурностью населения.

Крестьян пытались соблазнить хотя-бы жалованием, которое устанавливалось членам волостной земской управы. В числе вопросов, которые рекомендовались для первого заседания волостного земства, стоял так же и вопрос об оплате труда членов управы.

В волостные земства прошла в значительном числе сельская буржуазная интеллигенция, которая отражала интересы зажиточного слоя крестьян. На выборы волостного земства оказали влияние Комитеты Общественной Безопасности и Продкомы. Иногородние, безземельные крестьяне совсем не принимали участия в выборах.

Волостное земство, впитавшее в себя зажиточно-интеллигентский слой деревни и, следовательно, устранив влияние бедняцких и батрацких элементов, проводя воинственную политику Временного Правительства, несомненно существовало только до того момента, пока крестьяне при первом удобном случае его свергли.

10. Продовольственный кризис.

Ставропольская губерния являлась поставщицей хлеба для армии Закавказья и Туркестана. Пока не ощущалось недостатка в мануфактуре, железе и других товарах, крестьяне охотно продавали хлеб. В 1917 г. недостаток фабрично-заводских товаров был на лицо, потому что большая часть фабрик работала на армию. Держатели хлеба не хотели продавать его, так как за деньги нечего было купить.

Необходимо сделать оговорку о том, кто же именно являлся держателем хлеба. На первом месте были крупные землевладельцы. Они были очень хорошо осведомлены о переменах цен на хлеб, получали под хлеб авансы, и потому они могли сбывать хлеб по выгодной цене. К ним же относятся и зажиточные крестьяне, хотя они и не могли пользоваться такими выгодами, как землевладельцы. Главную же массу хлебопроизводителей составлял крестьянин-средняк. На него именно и пацала вся тяжесть „ножниц“. Но в селе в связи с войной сильно увеличилось число бедняцких хозяйств. Вместе с иногородними они давали около половины населения губернии, и число их росло. Эти хозяйства не могли

продавать хлеб, напротив они вынуждены были его покупать. К весне, перед переворотом, многие крестьяне не имели зерна для посева. Теперь становится вполне понятным доклад Комиссара министру от 16 марта: „В селах переизбирают старшин. Много приговоров о раздаче хлеба в ссуду".

Раньше также приводились примеры, что крестьяне, узнав о падении самодержавия, делали попытки к разбору общественных запасов хлеба.

В конце апреля комиссия в составе делегата от 3-й армии, пополнявшейся преимущественно ставропольцами, члена Продовольственной Управы и делегата от Совета Солдатских Депутатов, об'езжала села Благодаренского, Свято-Крестовского и Александровского уездов для собеседования с населением о доставке хлеба. Всего из трех уездов предполагалось получить к 1 июня до 10 миллионов пудов хлеба. Этот наряд не был выполнен. К новому урожаю апрельская твердая цена, 3 руб. 4 коп. за пуд пшеницы, была увеличена вдвое. В села была брошена мануфактура. Последнее обстоятельство на некоторое время вызвало усиленный подвоз хлеба из сел Ставропольского и Медвеженского уездов. Резкое же повышение цен, сделанное в угоду землевладельцев, вызвало отрицательное отношение крестьян, не говоря уже о бедноте, которая покупала хлеб. Крестьяне села Тахтинского, Медвеженского уезда и с. Безопасного, Ставропольского уезда, к повышению цен на хлеб отнеслись отрицательно. (Заря Свободы, 55). В 24 селах Александровского уезда крестьяне высказывались также против резкого повышения цен на хлеб. (Заря Свободы, 69).

В августе положение с заготовкой хлеба сделалось уже угрожающим: предполагалось заготовить—4973 вагона, а заготовили—564; в сентябре несколько повысилась заготовка, но все же в место 4469 вагонов заготовили — 172, т. е. меньше четверти того, что предполагалось. Сентябрьское повышение нужно об'яснить посылкой 10 сентября в села отряда в составе 65 казаков и 100 человек пехоты.

Вопрос о применении вооруженной силы к Ставропольским держателям хлеба возник еще в июле, о чем свидетельствует секретная переписка Губернского Комиссара с начальником штаба в Тифлиссе.

Начальник штаба Саргалители 28 июля просит сообщить о положении губернии и о том, какова насущная потребность в войнской вооруженной силе. Комиссар ответил ему почти

через месяц, 17 августа, когда выяснился отказ крестьян продавать хлеб. Вот некоторые выдержки из его ответа:

„Крестьяне говорят, что хлеба не дадут... Рабочих и солдатских депутатов не слушают. Агитация уже не действует. Вытекает с совершенной очевидностью необходимость реквизиции“...

Попутно сообщает о самосудах, о том, что

„Многие сходы до того обнаглели, что не стесняются открыто заявлять о ненужности Временного Правительства“.

В результате Комиссар просит 500 человек войска из них 150 казаков. По мере надобности, он будет отправлять в каждый уезд по 50 солдат и 25 казаков; остальные будут в резерве. Из центра в это время шли требования о необходимости применять все меры к получению хлеба.

Фабрично-заводских товаров в село отпускалось в это время мало, что вызывало во многих местах беспорядки. Из с. Александровского сообщали, что толпа часто собирается у волости и требует выдачи пайков, сахару, пособия. Предводителем является женщина и в толпе преобладают женщины. Это бунтовали жены мобилизованных. В с. Обильном сход, собравшийся выбирать волостное земство, арестовал продовольственный комитет. В с. Московском членам продовольственного комитета в связи с распределением мануфактуры угрожали расправой. В Святом-Кресте населением произведены многочисленные обыски с целью отыскать скрытые товары, при чем члены Земской Управы подверглись оскорблению действием. Сюда по этому поводу были вызваны войска раньше других мест губернии.

Насколько уменьшился отпуск товаров в село можно судить хотя бы по мануфактуре: для губернии вместо ожидавшегося миллиона, только было отпущено полмиллиона аршин, а потребность в ней исчислялась, по крайней мере, в 10 миллионов аршин. Отпускаемая в село мануфактура едва ли покрывала 20-ю часть всей потребности в ней.

Если крупный землевладелец не хотел давать хлеба Временному Правительству вследствие желания восстановить монархию, то крестьянин-средняк не давал хлеба по причинам, совершенно противоположным: он был недоволен засильем буржуазии. Это вскрывает, например, с‘езд продовольственных комитетов в с. Петровском, в центре губернии, происходивший 25-го июня. Это был районный с‘езд для обсуждения вопроса о поставке скота для армии.

Газета так говорит:

„Крестьяне возмущались, почему все просят от них сынов, братьев, хлеба, скот и последние гроши, а капиталисты высасы-

вали, как пауки, народное достояние, скрывают его в банках и потайных погребах и не идут на помощь народу; бойкотируют заем свободы, не несут никаких тягот войны...

Пусть Временное Правительство не действует несправедливо если от нас берут самое дорогое... и не считают это насилием, то почему же считать принудительный заем для капиталистов насилием; Правительство буржуазное и не думает о наших интересах".

В конце концов крестьян удалось убедить принять резолюцию о поставке скота, но с условием, чтобы для буржуазии был проведен принудительный заем.

Конечно это осталось простым пожеланием. Теперь можно сделать и вывод об отношении крестьян к войне. Отказ крестьян давать хлеб Временному Правительству означал нежелание крестьян поддерживать буржуазное Временное Правительство с его земством, которое всю тяжесть войны взвалило на плечи крестьян.

Необходимо отметить еще один важный факт, а именно: хлеб у крестьян, особенно в восточной части губернии, был и они его охотно продавали, только не продовольственным комитетам. Ставрополь в хлебе не нуждался. Заезжий Астраханский гражданин был поражен изобилием, какое он увидел в Ставрополе: „В Астрахани—тиф и цынга. А в Ставрополе—миндальные пирожные. В Астрахани голодные бунты, а в Ставрополе—слобные булочки". (Сев.-Кавк. Слово, 793).

Крестьяне и спекулянты везли хлеб в Астрахань.

Местные власти вынуждены были ставить кордоны в северо-восточных окраинных селах губернии. В цитированном выше отношении Комиссара начальнику штаба есть такое место:

„Волна революционно-анархической мысли только теперь докатилась до сел нашей губернии. Волна, которую крестьяне называют „Народное право".

Комиссар, или вернее те адвокаты, которые составляли упомянутое отношение, склонны были считать всякую революционную мысль анархической, понимая это слово в смысле беспорядка, безобразия. Однако крестьянское революционное движение действительно начало усиливаться. Движение это приняло довольно внушительные размеры по крайней мере в Благодаренском уезде. Становится совершенно ясным, что почва ускользнула из-под ног Временного Правительства и его местных органов.

Предположение комиссара справиться с уездом по-средством 50 солдат и 25 казаков было легкомысленным.

11. Контр-революция.

Перед выступлением Корнилова Ставрополь пережил свою маленькую корниловщину. Офицер Г. Зубрилин повел атаки против Совета солдатских депутатов. К нему присоединилось еще несколько офицеров и солдаты выздоравливающей команды. Их требоваиие было: „всех, кто не был на фронте— на фронт". Движение усиливалось. Выступления фронтовиков в Совдепе отличались резкостью. Дошло до того, что фронтовики решили разгромить летний клуб, где заседал Совдеп, а также Социал-Демократические партии. В первый раз после июльских дней Совдеп обратился за помощью к большевикам. Большевики военные, а также Организационное Бюро, находя поход Зубрилина контрреволюционным, выступили, откололи солдат от офицерства, раз‘яснив первым, что их интересы и интересы офицеров различны. От солдат фронтовиков были избраны представители в Совет и Зубрилинщина распалась. После этого большевикам-солдатам стало работать значительно легче.

В конце лета Российская республика переживала тяжелое положение: ее терзали: продовольственный кризис, неудачи на фронте, неспособность Временного Правительства внести порядок в управление страной. Становилась очевидным неизбежность новой революции. Русская и иностранная буржуазия находила, что остановить развитие революции может лишь военная диктатура, разгон Советов и широкое применение смертной казни на фронте и в тылу. Переговоры о военной диктатуре велись с главнокомандующим Корниловым. 26-го августа Корнилов потребовал от Временного Правительства передать ему верховную власть в государстве. В ответ на требование Временного Правительства сдать должность главнокомандующего армией, Корнилов об‘явил поход на Петроград. 2-го сентября войсковое правительство Дона отказалось исполнить приказ Временного Правительства об аресте атамана войска Каледина.

По пути следования Корнилова в войсках и на железных дорогах организовались Комитеты спасения революции. В Петрограде войска и вооруженные рабочие, руководимые большевиками, приготовились дать отпор Корнилову. Под защиту этих войск ушли и эс-эровские вожди.

Все это всколыхнуло и город Ставрополь. В первый раз после июльских дней об‘единенная демократия пригласила большевиков на совещание. Правые социалисты на совещании проявили полную растерянность и непонимание классовой

подкладки корниловского выступления. Это видно, например, из обращения одного из эс-эровских ораторов к присутствовавшим на совещании кадетам, в котором он предлагал последним дать торжественное обещание, что они за дело „народа" пойдут на баррикады и виселицы. На второе совещание по этому же вопросу кадеты не пришли. Они были не настолько наивны, как упомянутый оратор. Едва ли хоть у одного кадета было хотя маленькое сомнение в необходимости генеральской диктатуры. Для них Корнилов, Каледин, Деникин, Колчак,—кто угодно,—лучше, чем революция.

На втором совещании большевики огласили свою резолюцию. Хотя она и не была принята, но вызвала сочувствие присутствовавших на совещании солдат и рабочих. Второе совещание происходило 31 августа и на нем была принята следующая резолюция:

„Об'единенное заседание Комитетов Ставропольских Революционно-демократических организаций и социалистических партий, 31-го августа с. г., обсудив положение, созданное изменнической и контр-революционной попыткой генерала Корнилова произвести государственный переворот, постановило:

1) Всемерно поддерживать Временное Правительство и Центральные Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов в их борьбе с контр-революцией и в их деятельности по доведению страны до Учредительного Собрания.

2) Присоединиться к резолюциям Центральных Советов Рабочих и Солдатских Депутатов и *признать необходимым создание однородной власти*, наделенной чрезвычайными полномочиями и опирающейся на организованную революционную демократию в лице Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, а также обновленные органы местного самоуправления".

В 3-ем пункте говорится о проведении мероприятий, намеченных декларацией революционной демократии Московского совещания. В последнем, 4-ом, пункте рекомендуется повысить работу по организации трудовых масс.

Курсивные слова во 2-м пункте резолюции выражают желание правых социалистов создать правительство без кадетов.

2-го сентября Совет Рабочих и Солдатских Депутатов постановил сорганизовать Комитет Спасения Революции. Более подробных сведений об этом заседании не удалось найти. Во всяком случае Комитет Спасения Революции не был сорганизован.

Вскоре обнаружилась уже новая группировка Ставропольских политических партий: правые эс-эры оказались даже левее правых социал-демократов, более терпимо относившихся к кадетам. Блок, победоносно выступавший на выборах 6-го августа со списком № 3, раскололся пополам. „Тихо скончался", —говорили гласные городской думы на заседании 7 сентября.

На этом заседании обсуждалось 2 интересных вопроса: о посылке делегата на демократическое совещание в Петроград и о Комитете Спасения революции. Прежде всего все думские фракции (большевиков не было) сошлись на следующих 3-х положениях: 1) Коалиционное министерство с кадетами и торгово-промышленным классом; 2) Активная оборона страны; 3) Проведение в жизнь декларации Чхеидзе на Московском совещании. Дальше начался раскол,—все фракции наметили кандидатом на демократическое совещание народного социалиста А. Колычева; но эс-эры сделали заявление, что представитель гор. думы не должен быть правее Социал-Революционеров или Социал-Демократов, и что они от голосования воздерживаются. Избранным оказался А. Колычев. Перед обсуждением мандата делегату эс-эры покинули заседание. Мандат представляет перефразировку приведенных выше пунктов, но вместо коалиционного министерства вставлено—борьба с анархией, а также говорится о сильной власти на местах, сосредоточенной в руках Думы и Земства.

По поводу внесенного Советом Рабочих и Солдатских Депутатов предложения о создании Комитета Спасения Революции, Дума, заслушав телеграмму Керенского, приняла решение, что подобные Комитеты уже сыграли свою роль и предложение было отвертнуто. (Заря Свободы, № 47).

Всего одна неделя—и от испуга, вызванного корниловщиной не осталось следа. Напротив, Дума заостряет свое внимание на борьбе с анархией и создании сильной власти. Против кого? Против тех революционных организаций, которые, по ее мнению, уже сыграли свою роль, т. е. против Советов. Дума снова прочно шла с кадетами, за исключением фракции Социал-Революционеров, занявших особую позицию. Большевики звали к свержению буржуазной власти.

В Советах быстро усиливалось влияние большевиков, что означало нарастание революционности рабочих и солдат.

Чрезвычайный интерес представляет об'единенное заседание Ставропольского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, членов полкового и ротных комитетов, центрального бюро профсоюзов, правлений профсоюзов и Исполнительного Комитета крестьянского союза, происходившее 14 сентября. Центральным вопросом и на этом заседании был вопрос о власти и Демократическом Совещании. В речах ораторов не замечается резких выпадов; заметно желание убедить своих противников. Правый социал-демократ Строганов высказывался за коалиционное министерство. В другой речи он упомянул, что резолюция 31 августа была принята слишком поспешно: „бухнули в колокола, не поглядевши в святцы"; „опыт, знание, по мнению Церетели, имеются, главным обра-

зом, у кадетов". Этим он призывал—назад, к кадетам, т.-е. к контр-революции, а не к революции, чего требовала, хотя и не вполне ясно, резолюция 31 августа.

Это было чуть ли не единственное заседание, от которого сохранились речи большевиков и сочувствующих им; поэтому их необходимо воспроизвести в том виде, как они напечатаны в меньшевистской газете:

Лупандин (Пред. Комитета увечных воинов) возражает Строганову:

„Что дало коалиционное министерство. Ничего не дало. Землицы у крестьян нет, а есть расстрел для армии; дало оно полтора миллиона дезертиров. Откуда корниловщина. От коалиционного министерства. От чего происходит грызня партий".

Из-за волнения не оканчивает речи.

Чечулин (от Совета Солдатских Депутатов):

„Власть должна быть сильной и твердой, а наши министры ничего не могут сделать. Причина—кадеты. Керенский играет направо и налево и больше направо. Власть тогда будет сильной, когда передадут ее советам".

Райков (матрос Балт. флота):

„На пути революции кадеты ставили ей везде „рогатки", и чтобы власть была сильной она должна принадлежать только Советам, Советам и Советам". (Аплодисменты).

Виниченко (от Сов Солд. Деп.):

„Виновато во всем коалиционное министерство. Оно многое скрывало от нас, как прежнее царское правительство. Министерство должно быть революционным и состоять из социалистов". (Он напоминает о травле и той грязи, которую выливали на Советы кадеты и буржуазная пресса).

„Мы таким образом, не доведем страну до Учредительного Собрания. Нужна сильная власть, нужен революционный парламент. Думу и Гос. Совет нужно распустить Власть должна быть всенародная, в этом случае правы большевики. Тогда никто не будет мешать работать на пользу народа. Если работать, так работать без этих уклончивых суб'ектов-кадетов, которым нужно давно-бы сказать: до свиданья".

Овчинников. „Коалиционное министерство дало смертную казнь, корниловщину и дороговизну.

Что мы до сего времени из себя представляли. Чистилище, по которому шло это министерство и вело нас. Нельзя двум врагам работать в одной комнате, так как один подставит другому ногу"

Оратор приглашает собрание присоединиться к резолюции Петроградского и Московского Советов.

Малий (соц. револ.):

„Революционный парламент нужен, он должен выработать программу. Если к этой программе прибегнут и другие группы, то не нужно их избегать; если же не пойдут, то нужно только социалистическое министерство".

Карпенко (от Ком. 15 роты):

„Советам нужно дать всю полноту власти. Только тогда они могут пред'явить свои требования и по отношению к высшим органам. При теперешних условиях революционным организациям „отрублены хвосты". Когда власть будет в руках советов, наше положение, несомненно, улучшится".

Бочагов (от Сов. Р. и С. Д.):

„Демократическое совещание организовано из мелкой буржуазии. Каким образом Центральный Исполнительный Комитет Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, орган революционной демократии, обошел революционные организации. Это не понятно; „этим он выразил революционной демократии свое недоверие". Это потому, что Центральный Исполнительный Комитет сорганизован, главным образом, из с.-д. меньшевиков и соц.-революционеров. Поэтому демократическое совещание будет носить мелкобуржуазный характер. Мы ничего не ожидаем от этого совещания. Нужно заранее сказать, что нельзя пустить в министерство представителей буржуазии; они только будут бросать палки в колеса. Какова должна быть власть? Из революционной демократии: из рабочих и беднейших крестьян, так как они только развивают революцию. Оратор не верит тому, что демократическое совещание организует власть из революционной демократии. Мы должны стремиться, чтобы Центральный Исполнительный Комитет был переизбран и чтобы он созвал тогда демократическое совещание. Власть сильной будет тогда, когда она будет опираться на революционную демократию. У нас была революция только на словах, а не на деле".

Оратор приглашает присоединиться к последней резолюции (большевиков) Петроградского Совета.

Троицкий. „Вас призывали к жертвам. Жертвы понесет народ, ему и власть. Разве мало 6 месяцев, за которые ничего не сделано? Говорят, у нас не хватит работников (в случае перехода власти к советам). А зачем бегут к нам за помощью? У нас звучат пессимистические нотки, говорят нам. Неужели мы не будем верить самим себе".

Вифляев. „Слова „пролетариат" не нужно бояться, потому, что к нему относятся с доверием и меньшевики, и большевики, и соц.-революционеры".

Мещеряков. „Прямая наша цель —довести страну до Учредительного Собрания. Судить строго демократическое совещание нельзя: когда горит дом, не говорят чем носить воду".

От имени партии С.-Р. заявляет: „мы не хотим итти вместе с кадетами. Прежде мы с К.-Д. шли, но теперь не пойдем. Брататься с контр-революционерами мы не будем. На безлюдье нам жаловаться не приходится".

Бочагов выступил вторично с возражением Мещерякову.

Морозов отказался от слова.

После обсуждения было предложено 3 резолюции: от эс-эров, от большевиков и от группы „единства", т. е. от блока. Перед баллотировкой представители профессиональных

союзов удалились на совещание и затем большая часть из них заявила, что нужно предварительно обсудить все три резолюции по своим союзам, и потому отказались от голосования. Участвовали в голосовании представители союзов— строителей, земгор и металлистов. При баллотировке резолюция эс-эров была отложена; за резолюцию большевиков высказалось подавляющее большинство; третья резолюция отпала. Вот принятая резолюция:

1. „Созываемое демократическое совещание является попыткой фальсифицировать волю революционной демократии. Вместо живых мертвецов и царских дум, заседавших на Московском совещании, на Петербургском совещании будут представители буржуазии, проведенные через земства, кооперативные и городские самоуправления. В пользу этих организаций значительно ослаблено представительство Советов и Профсоюзов.

2. Подобный состав совещания не в состоянии порвать с политикой соглашательства, не в состоянии отразить тот громадный сдвиг, который произошел в последнее время в массах, не в состоянии решительно повести борьбу с контрреволюцией.

3. Эта подделка нужна Временному Правительству и Ц. И.К. для того, чтобы получить новую опору для дальнейшего проведения своей соглашательской политики, идея которой уже потерпела крушение в широких кругах революционной демократии.

4. Исходя из этих соображений, собрание находит необходимым созвать Всероссийский С'езд Советов, задачей которого было-бы переизбрание Ц. И. К., как не отражающего настроения революционной демократии в настоящее время, и создание министерства, ответственного перед полномочными органами пролетариата и крестьянства.

5. По вопросу же о направлении деятельности Правительства собрание присоединяется к резолюциям, вынесенным Петроградским и Московским Советом Раб. и Солдатских Депутатов".

Далее указывается, что должны быть в корне уничтожены те соглашательства, которые дали возможность использовать аппарат государственной власти, как орудие заговора против революции. В основу деятельности правительства должно быть положено: 1. Узаконение демократической республики. 2. Немедленная отмена всякой собственности на помещичьи земли (без выкупа), 3: Введение рабочего контроля в общегосударственном масштабе над производством и распределением; национализация важнейших отраслей промышленности, как нефтяной, горной, металлургической, угольной и др.; беспощадное обложение крупных капиталов и имуществ и конфискация военных прибылей на дело спасения страны от хозяйственных разрух. 4. Об'явление тайных договоров недействительными и немедленное предложение всем народам воюющих государств демократического мира. 5. Должны быть прекращены всякие репрессии, направленные против рабочего класса и его организаций, отменена смертная казнь на фрон-

те и предоставлена полная свобода агитации для всех демократических организаций в армии; армия должна быть очищена от контрреволюционного командного состава; далее, осуществление на деле прав наций и, в первую очередь, удовлетворение требований финляндцев и украинцев; роспуск Государственной Думы и Государственного Совета, немедленный созыв Учредительного Собрания; уничтожение всех сословий, чинов, орденов, и проч. („Заря Свободы", № 50).

Эс-эры в резолюции предлагали организовать власть из революционной демократии и радикально-либеральной буржуазии, без кадетов. В речах они об'ясняли это тем, что с промышленниками легче достигнуть соглашения о земле. („Заря Свободы", № 50).

Принятия большевистской резолюции указывает, что рабочие и крестьяне, доселе послушно шедшие в Советах за правыми вождями, теперь откололись от них и пошли за большевиками.

Таким образом, в Ставрополе друг против друга намечались две силы: с одной стороны буржуазия и примкнувшие к ней правые социалисты, с другой стороны рабочие и крестьяне во главе с партией большевиков.

Однако большевики в это время окончательно еще не овладели советами. Но важен перелом в настроении советов. Конечно, они еще не раз проявляли колебания, и большевикам долго еще пришлось бороться с правыми социалистами за влияние. Гораздо быстрее партии большевиков удалось восстановить свое руководство среди солдат.

В селах знали о выступлении Корнилова, потому что эс-эры постарались использовать его в интересах организации сельских советов крестьянских депутатов и выборов в Учредительное Собрание. Так, например, в с. Терновке Черкасов делал при выборах Исполнительного Комитета Совета доклад о контрреволюции и о борьбе с ней. (Протокол заседания от 9 сентября 1917 г.).

12. Выборы в Учредительное Собрание.

Главный бумажный комитет телеграммой на имя Комиссара 16 августа обещал выслать к концу месяца в Ставрополь для печатания избирательных списков удостоверительных карточек, избирательных записок—1063 пуда бумаги различных сортов. О конвертах обещал сообщить дополнительно. И так, началось с бумаги.

Впрочем, за несколько дней до этого, 12 августа, правые эс-эры созвали 2-й губернский с'езд крестьян, чтобы наметить кандидатов в Учредительное Собрание.

Большевики тоже готовились к выборам. Теперь городская партия большевиков значительно разраслась. По воспоминаниям современников в ней числилось от 40 до 50 членов. Один даже указывает цифру 276; повидимому, он прибавляет к ней сочувствующих. (Воспоминания Пономарева, Сараева и Литвиненко). В городе дело шло хорошо. Большевики могли расчитывать прежде всего на солдат и рабочих. Интересный пример в этом отношении дает собрание союза печатников, происходившее 8 сентября. Обсуждался вопрос о поддержке бастовавших уже более месяца рабочих в типографии Тимофеева. Выяснилось, что хозяин идет на уступки, согласен уплатить рабочим за все время забастовки, но принимает на работу не всех, а только часть рабочих. Собрание, учитывая, что хозяин предвидит хорошую наживу на печатании бланков к предстоящим выборам, постановило поддерживать забастовку до полного удовлетворения требований рабочих и вместе с этим возбудить ходатайство о реквизиции типографии на время предвыборной кампании, в виду того, что личный интерес хозяина становится в противоречие с общественной потребностью в машинах и труде печатников. Для поддержки забастовщиков члены союза отчисляли ***половину*** прибавки на дороговизну.

О полевении рабочих говорят также выборы в средине октября на Областной С'езд Советов в Армавире. От Ставропольского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов из 3-х представителей избранными оказались 2 большевика—Пономарев и Троицкий. Кроме того, большевикам сочувствовало значительное число трудящихся города, убедившихся на практике Городской Думы в никчемности демократического блока, не сумевшего наладить хоть сколько-нибудь городское хозяйство. Ораторы большевиков пользовались большим успехом на собраниях. Но большевикам нужно было усилить свою работу на селе. Для этой цели сделали подбор солдат из 112 полка, состоявшего преимущественно из жителей Ставропольской губернии. С этими солдатами проводились занятия по подготовке их к проведению предвыборной кампании в селе. Однако, выехать пропагандистам в село не удалось, потому что гарнизонный Совет, в котором все еще сидели офицеры, не дал возможности солдатам выехать из города. Единственно, что можно было тогда большевикам сделать,—это распространить воззвание среди крестьян. В воззвании кратко об'яснялось, что может ожидать избиратель от каждой партии. Вот выдержки из этого воззвания:

„У вас есть партия, которая все время шла с пролетариатом и крестьянством против помещиков, фабрикантов, заводчиков и банкиров.. Она все время отстаивала, чтобы вся власть и до

Учредительного Собрания была в крепких, надежных руках рабочих и крестьян...... Партия соцал-демократов-большевиков требует немедленного мира, требует, чтобы мир был заключен самими народами... Чтобы земля действительно перешла к вам и притом без всякого выкупа... Чтобы барыши капиталистов были бы порезаны, чтобы государство и рабочие установили контроль над фабриками и заводами......“.*)

Конечно, самое хорошее воззвание не могло заменить живое слово в селе, где большая часть населения неграмотная. Но из города послать достаточно агитаторов не удалось большевикам, а были там в селах большевики-солдаты. Эс-эры старались зажимать им рот. Их обеспокоило, что по селам какие-то лица ведут агитацию за большевистский сипсок № 2, а сами будто бы выдают себя за агитаторов от крестьянских Советов. И вот эс-эровская газета печатает приказ: „требуйте от агитаторов удостоверения от Губернского и Уездных Исполнительных Комитетов Советов Крестьянских Депутатов“. Конечно, таких удостоверений эс-эровские исполкомы большевистским агитаторам не давали, а на местах требовали удостоверения от всякого агитатора.

Большевистские организации по селам в период подготовки к выборам в Учредительное Собрание развертывали свою работу и росли численно. Большой толчек к развертыванию и оживлению партийной работы на местах дал 1-й Краевой С‘езд организации большевиков, созванный в октябре 1917 г. в г. Тифлисе. В средине сентября возникла организация в с. Александровском, главным руководителем которой был тов. Войтик. С 28 октября ведет свое начало организация в Святом Кресте. Существовала также организация в селе Благодарном и Медвежьем. О времени возникновения этих организаций точных данных в архиве не имеется.

Судя по количеству голосов, поданных в уездах за большевистский список, нужно заключить, что самая сильная организация была в Святом Кресте, собравшем по уезду 3557 голосов. Второе место занимает Медвеженский уезд—2136 гол.; затем идут Благодарненский уезд—1867 гол., Александровский—1143 гол. и Ставропольский—1129 гол., не считая Ставрополя. Всего около 10 тысяч голосов (9832). Эти голоса поданы почти при полном отсутствии агитации со стороны большевиков и наперекор специальному избирательному „аппарату“ эс-эров. Становилось очевидным, что большевистское влияние в селе укреплялось. Для большевиков прежде всего эти результаты были важны в том отношении, что в селах у них имелась уже твердая точка опоры.

*) Воззвание полностью приведено в приложении.

К сожалению, не имеется под руками материала о результатах голосования в каждом селе; из уездных сел известно только о Медвежьем, давшем 115 голосов. Из других сел, подавших сравнительно значительное число голосов за список № 2, можно указать: Пелагиаду—381 гол., Московское—186 гол., Песчанокопское—148 гол., Старо-Марьевское—145 гол., Петровское—140 гол., Богородицкое, Медвеженского уезда—122 гол., Дивное—86 гол. Нужно отметить кстати, что Пелагиада—это одно из тех сел, которое категорически отказалось ввести у себя земство. В среднем на село приходилось по 58 голосов. Из всех сел, о которых имеются сведения, нет ни одного, где не было бы подано голосов за большевиков.

В городе большевики одержали блестящую победу. Из 14 тысяч 416 записок, поданных в городе за все партии, за № 2-й было 7598, т. е. большевики получили голосов больше, чем все остальные партии вместе. По губернии за № 2 подано, таким образом, 17.430 голосов. Это число занимало 2-е место по сравнению со всеми остальными партиями. В список большевиков намечены были следующие кандидаты: Пономарев, Бочагов, Сталин, Шаумян, Троицкий, Толстов. Надо отметить, что крестьянам эти лица были неизвестны. О них многие крестьяне узнали в первый раз может быть только из избирательных записок, да и записки № 2 получили не все крестьяне, о чем будет сказано дальше. О Пономареве, Бочагове крестьяне могли еще слышать, потому что первый был председателем Земельного Комитета, а второй—хорошо известен солдатам. Что же касается Сталина (теперь генерального секретаря коммунистической партии) и Шаумяна, (народного комиссара в Баку),—крестьяне тогда о них мало слыхали.

Видя победу большевиков, Ставропольский архиерей Михаил в своем письме в Москву писал:

> „Окончательных результатов выборов в Учредительное Собрание я все еще не знаю: не везде сделан подсчет голосов. Но за всем тем окончательно выяснилось и теперь уж, что никто из нашего списка в собрание не пройдет. Собрано слишком мало голосов нашими приходскими советами. Батюшки не только не пропагандировали, не агитировали в пользу нашего списка, но и сами то боялись класть свои бюллетени за него... (23 ноября 1917 г., № 6367).“

Как видно, батюшки растерялись и не знали, как держать себя.

Первое место в губернии по количеству полученных голосов занял список Советов Крестьянских Депутатов и эс-эров. Раньше уже отмечалось, что Советы Крестьянских Депутатов были ширмой для партии эс-эров. Теперь нужно к

этому добавить, что волостные советы Крестьянских Депутатов были эс-эровской организацией, созданной для собирания голосов в Учредительное Собрание. На Ставропольском уездном С'езде Крестьянских Депутатов 3—5 октября было установлено, что важнейшим вопросом выборной кампании является создание волостных советов Крестьянских Депутатов. (Протокол С'езда Кр. Деп. 3—5—X).

Эс-эры в это время не имели успеха в городе и перекинули работу и силы в села. На 5—9 октября снова был созван Губернский С'езд, по числу третий, а для избирательных целей—второй. На С'езд были допущены по 2 представителя от большевиков и левых эс-эров, но с совещательным голосом. На С'езде присутствовал Онипко, член 1-й Государственной Думы. Созывая С'езд, эс-эры несомненно имели в виду уломать крестьян выставить кандидатами в Учредительное Собрание интеллигентов-эс-эров. Об этом можно сделать заключение по речи Онипко:

„В 1906 году у нас не было специалистов, и мы не могли по разным специальным вопросам приложить ума. Мы обращались за советами к интеллигенции и делали так, как нам говорили...

Если бы Советы чувствовали за собой силу, то, поверьте, они не задумывались бы пред тем, взять или не взять в свои руки власть... Большевики предлагают меньшевикам взять власть и следовать ихней программе, а сами от власти отказываются"...

Далее Онипко указал на опасность раздела интеллигенции и крестьянства, что может повести к владычеству буржуазии:

(„Сев.-Кавк. Слово", № 781).

Крестьян уговорили, и они приняли список, который заранее наметили эс-эры. На первом месте стоял Онипко, затем—М. Бочарников, А. Новиков-Гуторов, Е. Дементеев, С. Горницкий, Г. С. Емельянов,—все эс-эры.

Главное препятствие было пройдено, теперь оставалось рекламировать список. С 13 октября в течение месяца на 2-й странице эс-эровской газеты плакатным шрифтом печаталось обращение к населению—„Голосуйте за список № 1". Дальше шли пояснения—„Список утвержден Губернским С'ездом крестьян 5—9 октября". Пояснение подписано Комитетом эс-эров и Исполнительным Комитетом Советов Крестьянских Депутатов. Местам предписывала газета немедленно приступить к агитации за утвержденный С'ездом список.

Обо всем этом приходится говорить, чтобы об'яснить, почему список № 1 одержал победу.

21 октября Ставропольским уездным советом Крестьян-

ских Депутатов было выпущено интересное по своей наивности воззвание к избирателям. В нем имеется такое место:

„Будет большинство социалистов-революционеров (в Учредительном Собрании), значит и земля будет принадлежать трудовому крестьянству. Не наберется большинства, значит дело будет испорчено на долгие века, может быть на сотни лет...“.

Кроме печатных воззваний, эс-эры бросали в село много агитаторов. Агитаторов посылали и кадеты. Но то, что эс-эрами в селах получено большое количество голосов, нельзя об'яснить только агитацией. Они пошли дальше и выработали для волостных советов особую „Инструкцию по выборам“. На ней необходимо остановиться подробнее.

Начало инструкции:

„Волостной Совет Крестьянских Депутатов обязан сделать следующее:

1. Созвать Волостной Совет, совместно с Земством.
3. Избрать крестьянский комитет по выборам.
4. Разбить село на участки от 100 до 300 избирателей.
5. Назначить заведующих участками с 2—3 помощниками.
6. Озаботиться подводами, чтобы доставлять больных для подачи голосов“.

Нужно помнить, что все это должна сделать не правительственная власть, не междупартийная организация, а эс-эровские советы, которым на помощь привлекается земство. Что-же должны делать эс-эровские „сотские“ и „десятские“? А вот что:

„7. Заведывающие участками должны к 10 ноября получить списки избирателей своего участка. 1) *Раздать всем своим избирателям список № 1 с конвертами.* 3) Составить список больных. 4) Озаботиться, чтобы избиратели получили удостоверения личности“.

Попросту „сотские“ и „десятские“ должны были ***раздать всем неграмотным, плохо разбиравшимся тогда в выборной сложной механике крестьянам и крестьянкам список № 1.***

Остальные списки—№ 2, 3 и другие—вручены не были. Оставалось понудить крестьян принести единственный имеющийся у них эс-эровский список № 1 к избирательному ящику. „Инструкция“ этого не забыла:

„11. В день выборов заведывающие участками должны около урны следить по списку, кто из их участка подал голос и кто нет.

12 Помощники должны принимать меры, чтобы избиратели обязательно являлись“.

Значит „сотский“, если не являлись избиратели, посылал сейчас-же „десятских“ по дворам загонять их на выборы. Больных, расслабленных, паралитиков „десятские“ должны были доставить на лошадях.

Теперь становится совершенно понятным, почему эс-эры собрали так много голосов по губернии—290 с лишним тысяч. Все места в Учредительное Собрание получил их список. Но имели-ли право эс-эры сказать, что все голосовавшие за список № 1 крестьяне сознательно идут за ними? Конечно нет. В этой массе крестьян, увлеченных непонятной для них механикой выборов, были сторонники „народного права", враги буржуазии, враги Временного Правительства, враги земства, т. е. и враги эс-эров. Победа эс-эров была только кажущаяся, бумажная победа. Только один прочный вывод можно было сделать из этой „победы", что эс-эры собрали большую часть из 1000 пудов бумаги, отпущенной главным бумажным комитетом. Непрочность эс-эровской победы обнаружилась не более, как через месяц, когда до Ставрополя долетели волны Октябрьского переворота и когда крестьянство, во главе с рабочими, пошло открыто против правых эс-эров.

Другие партии, выступавшие на выборах в Учредительное Собрание, получили незначительное количество голосов. Относительно списков № 3—беспартийных крестьян-хлеборобов (читай землевладельцев), № 4—прихожан (читай духовенства)—и № 5—кадетов— постановлением Окружной комиссии по выборам было принято предложение об об'единении их. Такое же предложение было принято и относительно списков № 6—народных социалистов, и № 7—партии с.-д.-меньшевиков. Однако, все списки выступали самостоятельно, при чем народные социалисты по всей губернии набрали 670 голосов, а меньшевики не набрали и 2-х тысяч. Кадеты сумели сколотить немного больше 10-ти тысяч.

13. Октябрьский переворот.

25-го октября под руководством большевиков произошло восстание рабочих и солдат в Петрограде. Временное Правительство свергнуто и об'явлена Советская власть.

В Ставрополе и губернии еще до получения известий о перевороте настроение было неспокойное. Об этом говорит нам воззвание, выпущенное 10 октября от имени Комиссара, Комитета Общественной Безопасности, Совета Рабочих и Солдатских Депутатов и Городской Думы. В нем упоминается о каких-то врагах и предателях, которые посредством беспорядков хотят сорвать созыв Учредительного Собрания. Указывается также, что „погромы и насилия будут прекращаться самым решительным образом".

8-го октября требуют солдат в с. Медвежье, где собирается какая-то гроза над Земской и Продовольственной Упра-

вами. 20 октября из Торговой в Воронцово-Николаевское сообщают, что в Песчанокопское для подавления беспорядков нужна рота солдат. 24 октября Особое Совещание Городской Думы принимает решение о введении конной милиции, об усилении личного состава и средств сыска, о введении ночных караулов, о закрытии цирка, где собирается много солдат, а также об использовании милицией, в случае надобности, третьей части из 100 человек команды, несущей караульную службу в городе. Этого, по мнению Особого Совещания, все же недостаточно и оно постановляет просить Губкомиссара в самом спешном порядке вызвать для охраны города 2 эскадрона кавалерии пограничной стражи и, наконец, находит нужным введение в городе военного положения.

В воздухе чувствовалась гроза. 28 октября в городе уже было известно об Октябрьском перевороте в Петрограде. В этот день в Городской Думе Комиссар сделал доклад о событии и о том, что в городе происходят митинги, на которых обсуждается вопрос о вооруженной манифестации воинских частей. Конечно, постановление Особого Совещания Думы, приведенное выше, теперь было принято целиком с добавлением поручения Управе создать организацию по охране города, с привлечением в нее „полезных лиц и общественных организаций." Последнее постановление принято после словесного заявления одного из гласных, что в городе имеется группа лиц, которые могут личным участием и денежными пожертвованиями оказать помощь по охране города (конечно буржуазия).

Растерянность „демократической" Думы чувствовалась в шатких предложениях и принятых резолюциях протеста. Один из гласных советывал на восстание ответить решительной борьбой с большевиками на местах, забывая, что это не июльские дни, и что за большевиков стоит весь местный гарнизон. Вся Дума, осудив переворот, делает постановление довести об этом до сведения: Верховного Главнокомандующего (который был смещен), Председателя Совета Министров (который убежал за-границу), Петроградской и Московской городских Дум (которые сами не знали, куда обратиться), и, наконец, Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов и Центрального Исполнительного Комитета Советов, которым теперь принадлежала власть.

Села эс-эры не хотели тревожить сообщением о перевороте в виду предстоящих выборов в Учредительное Собрание.

В Ставрополе 29 октября большевиками была устроена невооруженная военно-рабочая демонстрация. Демонстранты проходили по главной улице от Тифлисских ворот с больше-

вистскими лозунгами: „Долой Керенского“, „Вся власть Советам“ и другие.

Газета так описывает демонстрацию:

„Вдоль Николаевского проспекта медленно колышется внушительная своею численностью зелено-серая масса гарнизона... Реют красные пятна знамен; слышится революционное пение; мягко плывут звуки военного оркестра... среди лозунгов большевиков—„Долой войну“, „Долой Керенского“.

(„Северо-Кавказское Слово“, 799)

Несомненно, что местная организация, устраивая демонстрацию, имела ввиду смотр своих сил. В той же заметке упоминается, что рабочие ожидали солдат у Тифлисских ворот. К сожалению, не указано их число.

Вопрос о переходе власти к Советам занимал большое внимание партийной организации большевиков.

Организация большевиков к описываемому периоду имела ясно наметившиеся два крыла: правое и левое. Каждое крыло имело свой взгляд на текущие события.

Левое крыло большевиков и руководимые им солдаты настаивали на необходимости захвата власти. Правое крыло говорило о том, что Ставрополь и губерния еще не созрели для переворота. Губерния, окруженная казачьими областями, отрезанная от центра—должна была расчитывать только на свои собственные силы. Наиболее революционная сила—солдаты—являлась в городе элементом пришлым, с непостоянным составом, поэтому на одних солдат опираться было нельзя. Что же касается организованной силы,—рабочих, то она переживала еще полосу отхода от правых социалистов.

Правое крыло большевиков считало, что село тоже не подготовлено к перевороту и не сможет свергнуть буржуазную власть.

По этим мотивам правая часть партийного комитета большевиков во главе с Пономаревым опасалась итти на немедленный переворот. Правое крыло имело большинство в партийном комитете и оно удерживало левое течение от прямых активных действий.

Однако революционные события в Ставрополе и губернии развивались сильнее и сильнее.

Нарастал производственный и продовольственный кризис. Увеличение твердых цен на хлеб вдвое в средине сентября заставило тарифно-стачечный отдел Бюро профсоюзов выработать требование особой прибавки на дороговизну жизни, независимо от получаемого рабочими содержания: семейному 65 рублей, одинокому 32 руб. и т. д. Общее собрание Бюро разрешило фабрично-заводским комитетам и профсоюзам пред-

являть требования о прибавке к хозяевам предприятий. Последние противодействия оказать не смогли, так же, как не смогли оказать противодействия и по случаю требования 8-ми часового рабочего дня, пред'являвшегося рабочими согласно постановления Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

Растущая безработица вследствие недостатка сырья вызвала необходимость организации Биржи Труда. Но все эти мероприятия не могли остановить надвигавшейся дороговизны и безработицы, а следовательно и голода. Их не могла остановить порядком надоевшая болтовня правых социалистов. Только обеспеченная часть рабочих, рабочая аристократия, в момент Октябрьского переворота еще послушно шла за меньшевиками и эс-эрами. Основная же масса рабочих была настроена против соглашательской политики и стояла за переворот в губернии.

Нельзя было этого ожидать от служащих, в особенности интеллигенции, выступавшей с протестами против Советской власти.

Ставропольское крестьянство об Октябрьском перевороте узнало только после выборов в Учредительное Собрание. Среди крестьян началось сильное брожение, бурный отход отводившей их за нос правой эс-эровской партии. В губернию к данному периоду возвратилось 89 тысяч солдат, не пожелавших защищать на фронте буржуазную власть. Солдаты, проживавшие в селах, после Октября смело подняли голову и, не стесняясь сельских властей, открыто носили оружие. Сельская милиция боялась солдат. Начались по селам митинги, собиравшие тысячи людей. На митингах выступали солдаты, доказывая необходимость введения Советской власти. Выступала и земская интеллигенция с доказательством противного. Бедняцкая и средняцкая часть заметно склонялась на сторону солдат. Заезжали в села и рабочие с больших ж.-д. станций, с целью пропаганды Советской власти. Так, в Белую Глину приезжал старый рабочий из Тихорецкого депо Морозов с другим товарищем-кочегаром. Оба они выступали на митинге. В Белой-Глине же устраивались для крестьян диспуты эс-эров с сочувствовавшими большевикам солдатами. Солдаты по селам собирались в группы, и обсуждали вопрос, как свергнуть земство, при чем солдаты не сидели в одном селе, а переходили из одного в другое с целью агитации.

События ускорялись, усиливалось левое течение и партия большевиков настойчиво добивалась в Совете Рабочих и Солдатских Депутатов, чтобы власть перешла в руки трудящихся. Газета эс-эров „Северо-Кавказское Слово“ писала, что не проходит ни одного заседания в Совете Рабочих и Солдатских Депутатов, чтобы большевики не выдви-

нули вопроса о захвате власти. Это так и было. На другой же день после военно-рабочей манифестации большевики в об'единенном заседании Исполнительного Комитета Совета, представителей ротных комитетов и комитетов социалистических партий предложили создать Революционный Комитет с передачей ему всей полноты власти в городе и губернии. Это предложение было отвергнуто и постановлено сорганизовать Комитет Спасения Революции, при чем было предложено партиям предварительно обсудить задачи будущего Комитета. 4-го ноября на об'единенном заседании Совета Рабочих и Солдатских Депутатов с другими революционными организациями большевики внесли резолюцию с предложением организовать Временный Комитет Общественного Спасения. В резолюции указывались причина и цель организации этого Комитета, а также об'ем его власти и состав. Причина—гражданская война, разразившаяся во многих городах. Цель—поддержка пролетариата и солдат, привлечение на свою сторону сельского населения и пресечение контрреволюции со стороны буржуазии. Комитет Общественного Спасения должен был быть высшим правительственным органом с правом контроля всех других учреждений. Ему должны подчиняться вооруженные силы. В состав его не могла входить буржуазия и представители от смешанных учреждений, как: Городской Думы, Земства. Состав его таков: по 1 представителю от каждой из партий—большевиков, эс-эров и меньшевиков, по 1 представителю от советов депутатов—рабочих, солдатских и крестьянских, по 1 представителю от каждого батальона, 1—от команды специалистов, 1—от интендантской починочной мастерской, 1—от бюро профсоюзов. Вот содержание резолюции:

1) Развитие гражданской войны в Петрограде, Москве и других крупных центрах заставляет революционную демократию создать Временные Комитеты Общественного Спасения в целях поддержки революционного пролетириата и солдат, привлечения на их сторону население сельских местностей, а также для пресечения попытки к контр-революции со стороны буржуазии.

2) Для достижения означенной цели, Временные Комитеты Общественного Спасения должны быть высшими административными органами с правом контроля деятельности всех прочих административных, судебных и др. учреждений и лиц.

3) Для непосредственной борьбы с контр-революционными движениями Временному Комитету Общественного Спасения должны быть подчинены все местные вооруженные лица.

4) Имея своей задачей борьбу с контр-революцией со стороны буржуазных классов, Временные Комитеты Обще-

ственного Спасения не могут иметь в своем составе представителей буржуазных и смешанных организаций, как-то: Городской Думы, Губернского Земства и т. д , в то-же время, в целях установления наиболее тесного единения с воинскими частями, Комитеты должны включить в свой состав представителей солдат.

5) В виду изложенных оснований и принимая во внимание, что наиболее энергичная деятельность Комитета обеспечивается лишь относительно небольшим его составом, фракция большевиков полагает, что в состав Комитета Общественного Спасения должны войти: 1) по одному представителю от Советов Солдатских, Рабочих и Крестьянских Депутатов, 2) по одному представителю от партии Соц.-Дем. (б) и Соц.-Рев., 3) по одному представителю от каждого баталиона, 1 представитель от команды специалистов и 1 представитель от команды интендантско-починочной мастерской, 4) один представитель от бюро профессиональных союзов.

За резолюцию подано было 68 голосов, против 60, воздержалось—8. При таком нерешительном перевесе Временный Комитет Общественного Спасения не мог образоваться. В Комитет Общественного Спасения не пошли меньшевики, эс-эры и соглашательское бюро профсоюзов.

Включая в состав Комитета Общественного Спасения меньшевиков и эс-эров, большевики не могли не знать, с кем они имеют дело. И эту попытку надо об'яснить желанием большевиков отколоть от названных партий более левые элементы. Действительно, в начале декабря от меньшевиков отделилась небольшая группа интернационалистов, работавшая частью в согласии с большевиками, а частью впоследствии примкнувшая к последним. От эс-эров отделилась группа максималистов с неопределенной программой.

Из партии социал-демократов-большевиков также вышли после Октября два видных работника—Толстов и Троицкий. Они принадлежали к правому крылу и не согласны были с политикой левых большевиков.

Как откликнулись политические партии на постановление об организации Комитета Общественного Спасения, лучше всего можно видеть из поведения Городской Думы. В заседании 7-го ноября гласные наговорили много, нахватав из буржуазных газет ложных сведений. Один из эс-эров говорил о разрушении Кремля, церкви Василия Блаженного и колокольни Ивана Великого в Москве, которые были пощажены даже Наполеоном. Лидер кадетов, доктор Миркин сочувственно поддерживал эс-эра, выразив соболезнование православному населению от имени еврейского народа, по случаю разрушения московских святынь. Цель подобных выступлений

ясна: нужно было восстановить темное население против Октябрьского переворота. Упомянутые же сооружения целы и поныне.

Насытившись подобными речами, Дума единогласно приняла резолюцию, в которой она, „как орган, избранный всем населением на основании всеобщего, равного, прямого и тайного голосования“, считает себя единственным законным представителем населения; и потому „выражает свой решительный протест против мысли о самочинном захвате власти и контроле над ней“. Далее говорится, что в случае возникновения попыток осуществления этого захвата, Дума будет бороться всеми имеющимися у нее средствами.

Важный вывод напрашивается сам собой: расколовшийся было в дни корниловщины блок теперь возродился. Трогательно об‘единились правые социалисты и между собой, и с кадетами, и со всей буржуазией, как в июльские дни. Различие заключается лишь в том, что тогда блок победоносно наступал на революцию, а теперь, пораженный революцией, искал средства самозащиты.

Буржуазные органы власти теряли в массах доверие. Чиновники боялись выезжать из города в села.

Таким образом после свержения Временного Правительства, а следовательно и всех ее ставленников, в Ставропольской губернии не было организовано революционное правительство, и она осталась фактически без всякой власти.

14. Период безвластия.

В этот период, продолжавшийся 2 месяца,—ноябрь и декабрь,—усилилось значение Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Большевики, не имея возможности уделить своих сил на повседневную работу в органах Совета, добились смены в этих органах правых социалистов, замененных интернационалистами. Самый факт падения правых газеты описывают таким образом. 11 ноября т. Пономарев бросил президиуму Совета обвинение в бездеятельности его, добавив, что он избран в слепую. Вследствие этого правые подали заявление об уходе. (Газета „Северо-Кавказское Слово“, 821).

К работе Совета стали прислушиваться все слои населения, не только к его общим собраниям, но и к заседаниям фракции большевиков. Совет становился главным политическим центром города и губернии. Этому много содействовал переход с 8 ноября в руки большевиков социал-демократической газеты „Заря Свободы“, в которой приняли участие все силы партии и сочувствующих ей солдат. В газете систематически перепечатывались статьи руководящего

характера из столичных большевистских газет. Правильное получение последних в одно время хорошо наладилось. Получались: „Правда", „Социал Демократ" и „Деревенская Беднота". Этими изданиями обслуживались город и село. Для последней цели были использованы базарные дни, собиравшие много крестьян. Тираж „Заря Свободы" доходил до 10 тысяч. Для распространения ее по железным дорогам была выделена особая группа солдат.

В Совете Солдатских Депутатов удалось также выбить меньшевиков с занятых ими с начала переворота позиций. Солдаты выдвинули на председательское место интернационалиста Мирошникова. В этом Совете вопрос о власти считался уже решенным, и если солдаты не захватили власти вопреки удерживанию их местной партией, то это надо об'яснить главным образом изолированным положением губернии и большим влиянием большевиков.

Между тем безвластие наблюдалось везде по губернии. Управление губернией свелось к составлению списков на жалование и служебную переписку. Земские кассы опустели. Кое-какие средства выручались лишь от залога имущества и от некоторых предприятий. Продовольственный комитет перестал играть роль государственного аппарата для распределения товаров. Он превратился в самоснабженческий аппарат для тунеядствующей интеллигенции.

Служащие различных учреждений в это время уже настраивались на будущий саботаж. Например, союз служащих Ставропольского Губернского Земства 7 ноября вынес резолюцию: „решительно осудить попытку большевиков вооруженным восстанием, сопровождавшимся насилиями.., навязать свою волю незначительного меньшинства всему народу накануне выборов в Учредительное Собрание.

Не признавать захватчиков правительственной власти и, в случае попытки к осуществлению захвата власти в Ставропольской губернии, противодействовать захвату всеми доступными мерами, не подчиняться этой власти и не исполнять ее распоряжения.

Категорически осудить всякие попытки к соглашению и коалиции с большевиками.

Обратиться ко всем общественным и правительственным учреждениям Ставропольской губернии с предложением присоединиться к настоящей резолюци и иобразовать коалиционный комитет из представителей служащих в названных учреждениях для координации общих выступлений. Служащими Госбанка 20 ноября была принята резолюция, содержание котороц исчерпывается словами—„протестовать, осудить, не подчиняться, противодействовать". Служащие Медвеженской уезд-

ной продовольственной управы вынесли 1 декабря еще более злопыхательное и глупое постановление против „большевиков-ленинцев и прочих агентов Вильгельма“ не исполнять никаких распоряжений и не признавать власти большевиков.

В то время, как интеллигенция готовилась к саботажу, отсутствие власти для темных масс дало толчок к беспорядкам. 1-го ноября из Песчанокопского Медвеженского уезда телеграммой сообщалось Губернской Продовольственной Управе, что положение угрожающее: убито 3 человека. Просили выслать солдат. Из Сандаты, Медвеженского уезда, 9-го ноября телеграфировали о самосуде над калмыками, заподозренными в краже. Сообщали также, что ожидается погром и нужны казаки. В корреспонденции из с. Дубовки, Ставропольского уезда, в газете „Северо-Кавказское Слово“ возмущались, что в селе публично наказывают розгами; одному же человеку „привязали на плечи дрючок и провели по селу“.

Были и более крупные беспорядки. 28 ноября в Ставрополе по неизвестно чьей провокации был разгромлен губернский винный склад и рядом с ним сельско-хозяйственные мастерские Земгора, в которых работало до 600 человек. Погром начали люди в солдатских шинелях и действительные солдаты. Потом к ним присодинились и вольные. На складе почему то оказались большие запасы спирта, хотя заведывающий отказывал в выдаче такового врачебным учреждениям, мотивируя отказ отсутствием спирта.

Растерявшиеся местные власти обратились к большевикам, чтобы они остановили погром. Большевики дежурили на складе и остановили толпу от погрома пивного завода Груби.

В Медвеженском уезде в этот период было разгромлено близ с. Богородицкого имение кн. Трубецкого и разграблен завод. В том же уезде разгромлено имение Худикова и частично Демина. Был разгромлен тогда-же спирто-водочный завод Демина

Хорошо иллюстрирует создавшуюся обстановку весьма срочное отношение Ставропольской Губернской Продовольственной Управы в Исполнительный Комитет Совета Крестьянских Депутатов от 20 ноября:

„В настоящее время подвоз хлеба и поставки скота совершенно прекратились, воззвания к населению не помогают. Население большинства уездов губернии уклонилось на путь беззастенчивый. В виду этого продовольственным организациям необходимо принять героическое усилие вплоть до применения вооруженной силы, как последней меры к получению от населения хлеба и скота для голодающих армий и населения губерний постигнутым неурожаем в текущем

году. Для разрешения законного вопроса Губернской Продовольственной Управой созывается 25 ноября 1917 г. совещание представителей общественных, правительственных, гражданских и военных учреждений и организаций".

Совещание состоялось, где решено было применять вооруженную силу к крестьянам.

В первой половине декабря Ставропольская партия социал-демократов-большевиков получила значительное подкрепление. Из Грозного прибыл 111 полк, имея свою полковую большевистскую организацию, в добавок с ним прибыла и Грозненская городская организация. Из Грозного полк, не желавший демобилизоваться, вынужден был уйти вследствие соглашения Грозненской буржуазии с горской контрреволюцией. Буржуазия требовала, чтобы полк сдал оружие. Полк ответил требованием, чтобы были починены мосты по дороге к Беслану, в противном случае он будет отступать в пешем строю. Это напугало буржуазию, и полку дали возможность уезжать куда и как он хочет.

Наиболее выдающимися партийными работниками-большевиками, прибывшими из Грозного, были: Анисимов—председатель Военно-Революционного Комитета Грозного, Сараев—командир полка и Сахацкий—начальних гарнизона.

Таким образом в Ставрополе оказались следующие войсковые части: 3 пехотных полка--111, 112 и 2-й Карский пехотный; военно-саперная мастерская, 118 выздоравливающая команда, 700 киевских юнкеров и, наконец, первый пограничный кавалерийской полк.

Кроме того, в ноябре месяце с Кавказского фронта самовольно ушла 39-я дивизия и с ней 39-я батарея, и все эти части расположились в Медвеженском уезде.

В с. Воронцово-Николаевском (ст. Торговая) стоял Елисаветпольский полк в 2500 штыков и Дербентский полк в 2500 штыков располагался в с. Песчанокопском и в с. Богородицком по 2 баталиона. 3-й Бакинский полк в 2500 штыков находился в с. Белая-Глина. 4-й Кубинский полк был на ст. Гулькевичи, Кубанской области.

Настроение в полках было большевистское. Влияние этих военных частей широко распространялось на население.

Партийная работа в войсках города Ставрополя была поручена Анисимову. Нужно заметить, что главное командование Ставропольскими войсками находилось в Тифлисе, где сидели еще ставленники Временного Правительства. Этому командованию 111 полк давно уже не подчинялся. Оставалось привести к тому же остальные войска.

Нужно теперь остановиться коротко на деятельности Городской Думы.

Лишившись опоры с падением Временного Правительства, Ставропольская Городская Дума пробует найти поддержку в различных только что возникших контрреволюционных организациях. Прежде всего ее взоры обратились на „Юго-Восточный Союз казачьих областей и вольных народов степей“. Дума направила туда своих делегатов, в числе которых был снявший с себя обязанности городского головы Дидрихсон— с поручением заявить о желательности присоединения Ставрополья к Союзу. Делегаты еще 18 ноября доложили в Думе, что Юго-Восточный Союз об‘единяет пока только казаков, но возможно распространение этой власти и на все население, что вопрос об этом находится в стадии переговоров, пока же возможно лишь соглашение по финансовому вопросу.

Желая обезопасить себя со стороны революционно-настроенных солдат, Дума на этом же заседании постановила возбудить ходатайство о демобилизации Ставропольских воинских частей.

Обжегшись на Казачьем Союзе, Дума взяла курс на Союз Городов Северного Кавказа. Опять посылаются делегаты в Екатеринодар—Дидрихсон и Хецров. При чем в фонд по устройству учредительного С‘езда Союза Городов Дума постановила отпустить десятую часть годовой основной сметы города – 935 рублей.

Ходатайство Городской Думы о демобилизации было услышано. Начальник Кавказского военного округа Пржевальский распорядился об увольнении 5 годов солдат.

Солдаты, как уже об этом сказано, не подчинились распоряжению.

Главные свои упования Дума возлагала, конечно, на Учредительное Собрание. 28 ноября, в день открытия Учредительного Собрания, состоялось торжественное заседание Думы. Предложение из Москвы Председателя Главного Комитета по с‘езду городов о присылке делегатов от города в Москву для поддержки Учредительного Собрания, Думой было отвергнуто, по соображению, что достаточно одной моральной поддержки.

Здесь речь шла о поддержке Учредительного Собрания против Советской власти, (Конечно, посылка делегатов в Москву с этой целью не имела бы никакого значения, как и моральная поддержка, выраженная правыми социалистами, потому что большевики все равно распустили бы Учредительное Собрание, так как оно пошло против завоеваний Октябрьской революции). Все же упомянутой „поддержке“ нужно дать надлежащую оценку.

Правые социалисты должны были знать, что буржуазия, господство которой они хотели сохранить, в это время лихо-

радочно вела подготовку вооруженной расправы с большевиками, рабочими, крестьянами и Учредительным Собранием. Правые же социалисты никакого вооруженного отпора против буржуазной контрреволюции не готовили. Наоборот, призывали против большевиков, в руках которых была сосредоточена вся революционная вооруженная сила, и сладенькими разговорами об Учредительном Собрании они прикрывали черную работу буржуазии и тем самым вели революцию к разгрому.

Уже всем ясно было, что без власти губерния существовать не может.

15. За Советскую власть.

2-го декабря на заседании Совета Рабочих и Солдатских Депутатов большевики подняли вопрос о необходимости установления в губернии Советской власти. Но представители от Совета Крестьянских Депутатов эс-эры и Продовольственного Комитета покинули собрание, вследствие чего не оказалось кворума.

5-го декабря правые эс-эры от имени Совета Крестьянских Депутатов выпустили для распространения по селам воззвание, в котором приглашают „граждан-крестьян" на 4 Губернский С'езд для решения вопроса о власти в губернии. Вот отрывок из этого документа, имеющегося в делах 4-го Крестьянского С'езда:

„... И у нас в Ставрополе эти безумцы вот уже несколько месяцев толкуют о необходимости захватить власть и передать ее Советам Депутатов.

Губернский Исполнительный Комитет Крестьянских Депутатов однако считает, что в таком важном вопросе необходимо выслушать мнение самих крестьян, представителей сел и деревень.

Для обсуждения и решения этого самого важного и насущного вопроса... Губернский Совет Крестьянских Депутатов созывает Губернский С'езд представителей всех сел губернии в гор. Ставрополе на пятницу 29 декабря с. г. в 10 час. утра.

Выборы на С'езд должны производиться на сходах с участием всех граждан села. Села с населением до 5 тысяч жителей посылают по одному, а села с населением свыше 5 тысяч на каждые 5 тысяч посылают еще по одному добавочному депутату...".

Воззвание было распространено по всем селам губернии.

6-го декабря в Совете Рабочих и Солдатских Депутатов большевики снова поднимают вопрос о взятии Советом власти в свои руки. Прения по этому вопросу продолжались с 9 часов вечера до 5 часов утра. Насколько заседание было бурным можно судить по выступлению Пономарева, как оно

передано газетой эс-эров: „Осыпая своих противников социалистов и других отборными выражениями... кричит—все равно власть мы возьмем, а кто с нами не пойдет, того мы растопчем". Если сравнительно умеренный Пономарев был доведен до таких нот, то это можно об'яснить лишь непомерной политической тупостью правых социалистов, не понимавших, что Октябрьский переворот сделали многомиллионные массы рабочих и крестьян. Кроме Пономарева от большевиков выступал также Морозов. Представители профсоюзов выступали на этом собрании с принятыми уже в союзах резолюциями, при чем 3 союза—металлистов, кожевников и строителей высказались за Советскую власть. На голосование поставлено было две резолюции—большевиков и Совета Крестьянских Депутатов. Первая резолюция указывала, что сильной и авторитетной властью может быть только власть Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, а потому к Совету она отныне и переходит. Далее указывалось на необходимость избрания Совета трудового мещанства, а также немедленного созыва Губернского С'езда крестьян, для выборов в будущий Совет представителей, более правильно отражающих настроение крестьян.

Последнее обстоятельство указывает, что эс-эров большевики не считали представителями крестьян Ставропольской губернии и добивались, чтобы беднота и средняки, т. е. большинство крестьянского населения, а не только сельская интеллигенция, выбрали своих действительных представителей.

Вторая резолюция говорила о необходимости созыва Общегубернского Народного Собрания, которое и разрешит вопрос о власти в губернии. За резолюцию большевиков высказалось 82 голоса, и против—84. За вторую резолюцию—88, и против—78. Очевидно 4 человека голосовали за обе резолюции.

О созыве Общегубернского Народного Собрания вынесла постановление также и Городская Дума. Об'единенная демократия ухватилась за эту идею, предполагая посредством Народного Собрания покончить с вопросом о Советской власти в губернии.

8 декабря в Губернской Земской Управе состоялось уже заседание смешанной комиссии по вопросу о созыве Народного Собрания. В эту комиссию вошли 3 большевика. От партии—т.т. Морозов и Бояр и от Совета Солдатских Депутатов—тов. Петрыкин. Комиссией прежде всего была выработана программа занятий будущего Общегубернского Народного Собрания, при чем к повестке было сделано прибавление агитационного характера в пользу Временного Правительства и против Советской власти. Вот краткие выдержки:

„... Временное Правительство действовало в согласии с представителями народа .. Временное Правительство поддерживало в стране порядок...

... 25 октября с. г. Временное Правительство было арестовано и власть в Петрограде была захвачена большевиками...

(Воззвание—повестка к гражданам губ. комиссара).

Морозов подал письменный протест в комиссию против такого добавления к повестке:

„Так как повестка Общегубернского Совещания сопровождается текстом, составленным с явным стремлением возвысить авторитет бывшего коалиционного правительства и умалить авторитет Совета Народных Комиссаров рабочей, солдатской и крестьянской власти. Я, нижеподписавшийся, самым решительным образом протестую против использования большинством комиссии своих прав для защиты своих групповых и классовых интересов“.. К нему присоединился и большевик Петрыкин.

Сама же повестка включала следующие вопросы:

„1. Современное политическое положение России.
2. Отношение к власти Народных Комиссаров.
3. Отношение к Ю.-В. Союзу казачьих областей и к Закавказской республике.
4. Об организации губернской власти в Ставр. губ.
5. Вопросы экономические и финансовые.
6. Разные другие вопросы“.

На состав Народного Собрания Комиссия обратила особое внимание и постаралась сделать его не опасным для правых социалистов и буржуазии. Газетой опубликован такой состав Народного Собрания: 64 представителя от Губернского Земского Собрания, 13—от двух Городских Дум; 168—от волостных земств, а где последних нет, от сходов (по 1 от волости), по 10—от уездных Советов Крестьянских Депутатов; 20—от Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, 10—от бюро профсоюзов. Затем идут по 1 представителю от школьного союза, совета духовенства, почт, Губернского комиссариата, казенной палаты, контрольной палаты, Госбанка, от частных банков, биржевого общества, союза правительственных служащих.

Первоначальный состав Народного Собрания, уже опубликованный, пришлось расширить под давлением ходатайств различных общественных об'единений. Биржевой комитет в резкой форме протестовал, что ему было дано 1 место с правом совещательного голоса: „... решение собрания .. (Комиссии. Ред.) состоялось очевидно не в преисподней, не на дне ее, по крайней мере“, а потому биржевой комитет просит дать ему право на 1 место с решающим голосом. (Отношение № 355). В делах имеются ходатайства: Торгово-Промышленно-

го союза, союза „Хлеборобов", Городского учительского союза, союза служащих, союза мукомолов, Совета присяжных поверенных, от Окружного суда, союза по изготовлению нарядов, союза врачей, союза соц.-революционеров (об'единение правых и левых эс-эров (Ред.), комиссии по борьбе со спекуляцией, союза солдаток. (Пометка на ходатайстве: „дано 1 место". Ред.), интернационалистов, максималистов.

Бросается в глаза, что в Народное Собрание очень мало приглашалось крестьян—по 1 от волости; между тем волость с населением в 20 тысяч в Ставропольской губернии не была редкостью. Зато щедро розданы голоса почтам, банкам, чиновникам,—и так же путано, как было в Комитете Безопасности. Удивительно, что такое представительство населения не постеснялось сделать после того, как распинались на выборах в Учредительное Собрание о великом значении всеобщего избирательного права. Теперь почему то об этом забыли и крестьян намеревались обокрасть в представительстве и, следовательно, одурачить. Для сторонников большевиков отводилось не более 50 мест, если считать, что Советы Рабочих и солдат, мещане и профсоюзы будут голосовать за них.

Об'единенная демократия, а также большинство смешанной комиссии были уверены, что в Народном Собрании они одержат верх над большевиками, что крестьяне задавят революционный большевистский город. Ими подготовлялась своего рода „Губернская конституция", хотя и невысокого качества. Вырабатывалась она комиссией, в которую входили Комиссар и его помощник. Основное положение этой конституции так записано в протоколе комиссии: „Исходя из того положения, что кризис центральной власти обусловливается п е р е х о д я щ и м и с я (разрядка наша: редакц.) обстоятельствами переживаемого политического момента, при организации местной власти необходимо руководствоваться двумя основными принципами:

административно-исполнительный аппарат губернской власти по возможности остается без изменения".

Из этого постановления видно, что комиссия Октябрьский переворот считала временным, „переходящим" явлением и потому предлагала в губернии все оставить по старому. Об этом говорят и следующие пункты постановления: „В финансово-экономической жизни губернии руководствоваться соответствующими законоположениями Временного Правительства, дополняя их в исключительных случаях законодательными распоряжениями Ставропольского Губернского Народного Собрания".

И далее: „Губернский Комиссар избирается Ставропольским Верховным Народным Губернским Советом, действует

на основании положения Временного Правительства о губернских комиссарах".

Все по мысли эс-эров должно руководствоваться законами Временного Правительства.

Далее предполагалось, что Народное Собрание изберет Верховный Губернский Совет из 7 лиц. „Верховному Совету надлежит заменить собой Временное Правительство, отсутствие которого чувствуется"—так пояснял Комиссар проект предполагаемой конституции. (Протокол заседания комиссии от 23 декабря 1917 г.).

Комиссия по каждому пункту повестки наметила докладчиков, которые должны были выступать от имени комиссии. Для лучшего осведомления о положении дел в Ю.-В. Союзе и Закавказской республике, Комиссару было поручено пригласить представителей от этих государственных об'единений. Тов. Петрыкин протестовал против этого приглашения, а если таковое состоится, то необходимо пригласить или, по крайней мере осведомить и Совет Народных Комиссаров. Большинством комиссии это предложение было отвергнуто. (Протокол заседания комиссии от 14 декабря). В другой раз Петрыкин протестовал против пополнения новыми членами от партии социалистов революционеров подкомиссии, вырабатывавшей проект конституции. „Если пополнять, то нельзя останавливаться на представительстве лишь одной партии: неизвестно еще какая партия будет в большинстве". (Протокол от 19 декабря). На этот раз с ним согласились.

Присоединение Ставропольской губернии к Юго-Восточному Союзу повидимому в рядах демократии считалось делом решенным. В делах комиссии имеется подробная печатная конституция Союза, полученная 14 декабря. Один из членов комиссии высказался даже, что образование законодательного органа в губернии он считает излишним, в виду того, что существует особый законодательный корпус в Юго-Восточном Союзе. (Протокол комиссии от 23 декабря).

Эс-эры начали вести по селам агитацию. Администрация к моменту выборов приурочила раздачу спирта крестьянам из уездных складов. Ставропольские юнкера братались с солдатами, угощали их в столовых вином, уговаривая не поддаваться большевикам.

14 декабря депутаты Учредительного Собрания от Ставропольской губернии эс-эры во главе с Ф. М. Онипко из Петрограда прислали воззвание с нападками на большевиков. Воззвание заканчивалось словами:

„Мы с болью в сердце заявляем вам, что Россия находится в положении больного, близкого к смерти. Мы, ваши предста-

вители, действующие здесь вашим именем, вашей волей, верим, что вы в нашей тяжелой борьбе за спасение родины и революции“.

(„Северо-Кавказское Слово“, 830).

Организация большевиков тоже не дремала. Она усилила работу в частях армии, еще настойчивей подготовляла рабочих и крестьян губернии к провозглашению Советской власти.

В первой половине декабря в войсках Ставропольского гарнизона был создан Военно-Революционный Комитет, председателем которого был избран большевик Анисимов. В войсках было введено самоуправление. Начальники частей избирались: для взводов и отделений можно было выбирать и солдат, а для командования крупными частями избирались офицеры. Выборы утверждались комитетом части и Исполнительным Комитетом Совета.

Военно-Революционный Комитет выпустил тогда воззвание к солдатам. Вот выдержки из него:

„Контрреволюция подняла голову по всему Северному Кавказу; начинает господствовать нагайка. Корнилов, Каледин и Караулов душат революцию...
Издавая приказы о роспуске солдат по домам, господа Каледины и Корниловы призывают вас под свое черное знамя.. Юнкера соединяются с горцами.. Если бы на руку Каледину и Корнилову (солдаты) раз‘ехались по домам, что сталось бы с землей и волей. Вас посылают домой по деревням. А к городам стягиваются казаки...

Военно-Революционный Комитет будет бороться с явными и тайными контрреволюционными выступлениями.. Пусть же каждый из вас не покидает своего тяжелого поста в такую минуту.. Никаких выступлений без ведома военно-революционного комитета“.

(„Заря Свободы“ 14/XII).

Содержание этого воззвания вполне оправдывает своевременность и необходимость организации Военно-Революционного Комитета, тем более, что контрреволюция была уже и явная в Медвеженском уезде и тайная—хотя бы в Городской Думе.

Губернский Комиссар получил из Медвежьего донесение, что в ночь на 11 декабря отряд юнкеров из Донской области напал на артиллерийский дивизион в Среднем Егорлыке и, забрав повозки, снаряды и 3 орудия, ушел в Донскую область. Казачий раз‘езд в 6 человек несколько раз наезжал сюда же для разведки. Нападение это, конечно, не было единичным. Нужно сделать оговорку, что в селах этого уезда, расположенных вблизи железной дороги, под влиянием железнодорожных рабочих, Советская власть вводилась в ноябре и декабре, с приходом же сюда военных частей усилилось

влияние большевиков и потому на эти села стала делать налеты контрреволюция. В газетах за 4 декабря есть сообщение, например, что в с. Ивановском, Медвеженского уезда, установлена Советская власть. Организаторами крестьян явились Медведев и Савченко. („Северо-Кавказское Слово", 836/4-XII).

Тов. Анисимов и его местный энергичный помощник, большевик прапорщик Сохацкий повели дело в войсках так, что солдаты массой переходили на сторону большевиков и готовы были выступить в борьбу за Советскую власть. Военно-революционный комитет теперь мог поставить вопрос об обезоружении контр-революционных элементов. 25 декабря были обезоружены юнкера, пытавшиеся бежать. В тот же день интеллигенция сама стала сдавать имеющееся у нее оружие. Этим самым был подготовлен фундамент для будущей советской губернской конституции. Рабочие поняли, что эс-эры и меньшевики совместно с буржуазией, назначая созыв Губернского Крестьянского С'езда и Народного Собрания, хотели усыпить революционную бдительность. На союзных собраниях они стали выносить резолюции с приветствиями большевикам и Советской власти. Так, например, 17 декабря под председательством большевика Ф. Евдокимова состоялось собрание рабочих членов профессионального союза пекарей г. Ставрополя, принявшее таковое постановление:

„Мы признаем единую власть Народной Революции в лице Петроградского Совета Народных Комиссаров и выражаем ему полное доверие.

Так-же поддерживаем изданные декреты Народного Правительства. Считаем врагами революции и народа те партии, которые, благодаря своей соглашательской политике, с кадетами предали народные интересы в руки помещиков и капиталистов.

Приветствуем передовой авангард русской революции партии с.-д. (большевиков), которые единственными защитниками являются для трудового народа.

Приветствуем революционный гарнизон Петрограда, матросов Балтийского флота и Красную рабочую гвардию.

Да здравствует Народное Правительство Совета Народных Комиссаров!

Да здравствует единение крестьян, рабочих и солдат и всего трудового народа!

Долой соглашателей и предателей интересов трудового народа!

Большевиками были приняты меры к тому, чтобы исправить на предстоящем Губернском Народном Собрании представительство от крестьян, в том смысле, чтобы крестьяне произвели выборы целыми сходами, а не волостными земскими управами. 25 декабря организация большевиков устроила митинг для рабочих и солдат в гостиннице Пахалова. Сюда же был приглашен Губернский Комиссар. На митинге большевики раз'ясняли, что предстоящее Народное Собрание, на которое

приглашались представители не от всех крестьян, а от земств, не может выражать волю крестьян; правильное крестьянское представительство должно итти от сельского схода. Собранию была предложена резолюция короткая, но ясная:

„Ставропольская организация большевиков совместно с военными организациями требует от Комиссара Временного Правительства созвать Губернский С'езд не из представителей земских гласных—попов, старшин и пр. лакеев буржуазии,—а созвать с'езд из представителей, избранных на общем собрании граждан".

Резолюция была принята единогласно под гром аплодисментов. Митинг потребовал даже ареста и суда над Комиссаром, но большевики скоро успокоили собрание. Затем стали выступать представители войсковых частей и заявили, что если Комиссар не созовет с'езда, согласно требованию трудящихся, то они своими штыками помогут трудящимся создать Советскую власть такую-же, как в остальной России. Наконец, дошла очередь до кавалерийского пограничного полка, бывшего недавно грозою для всей губернии. Полковник, правая рука Комиссара, сидевший рядом с ним, поднялся и заявил, что его полк будет поддерживать во всем требования других полков.

Комиссар вынужден был после митинга разослать телеграммы по всем селам, чтобы были присланы на Губернский С'езд представители, избранные на общих собраниях; но прежнего распоряжения о выборах от волостных земств на Народное Собрание не отменил. Крестьяне эту телеграмму могли истолковать, как подтверждение о созыве С'езда Губернским Советом Крестьянских Депутатов и потому выбирали представителей и на 4-й С'езд и в Народное Собрание.

В то время, когда в Ставрополе шла подготовка к созыву Народного Собрания, села переживали бурный период отхода от правых соц.-революционеров. Интересные сведения имеются относительно Александровского уезда.

На 10 декабря в с. Александровском назначен был с'езд представителей земельных комитетов. На этот с'езд пригласили представителей крестьян для решения и других вопросов, выдвинутых уездным советом Крестьянских Депутатов и Уездной Земской Управой, а именно о распределении спирта по уезду, о предстоящих земских выборах. Хотелось иметь побольше полномочных представителей от сел:

„...Чтобы выборные депутаты,—2, а если большое село—3,— обсудив предварительно с гражданами своего села и получив наказы с'ехались 10 декабря к 11 час. утра в с Александровское".

(Отношение Уездной Земской Управы в Казинскую волостную Земскую Управу № 6965, 1917 г., декабря 7.).

Ив. Войтик.

Организатор Советской власти в Александровском уезде, активный работник по созданию Советской власти в губернии. Товарищ Председателя Губернского Комитета партии большевиков. Председатель Губиспокома в 1918 г. Умер в г. Астрахани 25 апреля 1919 г. от тифа.

В организации этого многолюдного уездного с‘езда большую роль сыграла большевистская организация с т. Войтиком во главе. Он потребовал от заместителя комиссара Богатова, чтобы для раздачи спирта был созван с‘езд, между тем Богатов хотел раздать только в с. Александровском. Войтик так мотивировал свое предложение: „исполнив приказание Комиссара Временного Правительства, уже не существующего, можно навлечь справедливый гнев всего населения уезда“.

О том, как протекал сам с‘езд, говорят воспоминания двух участников, подтверждающие одно другое.

Тов. Войтик выступать на с‘езде не мог, потому что к этому времени потерял голос, хотя он и присутствовал на с‘езде. Между тем со стороны эс-эров кроме уполномоченного по Земским Комитетам Маянца, прибывшего на с‘езд из Ставрополя, было еще человек 10 эс-эровских ораторов.

Крестьяне битком переполнили зал заседания с‘езда. На улице стояла большая толпа крестьян.

В конце заседания было предложено две резолюции—одна уполномоченным, другая Гладковым. Первая нападала на большевиков и требовала, чтобы земельный вопрос был разрешен Учредительным Собранием. Вторая была приблизительно (по воспоминаниям) такого содержания:

1. Признать действия рабочих Петрограда вполне правильными.
2. Единственным органом власти признать Советы.
3. Все земли—помещичьи, монастырские, церковные со всем живым и мертвым инвентарем немедленно должны быть национализированы без выкупа и переданы в руки трудящихся, действительно работающих на них своим личным трудом.
4. Требовать от Комиссара Временного Правительства немедленного губернского с‘езда

(Воспоминания Гладкова и Гамаюнова).

Эта резолюция была принята большинством крестьян, против незначительной группы кулаков эс-эров и меньшевиков.

И так, в земельном вопросе, самом главном у эс-эров, на котором они полагали дать бой большевикам, они были разбиты в Александровском уезде. Крестьяне увидели, что большевиками земельный вопрос уже решен революционным путем полностью в интересах крестьян.

Между тем эс-эры заявили, что решение это надо отложить, надо сначала поговорить в Учредительном Собрании.

О том, как происходили выборы в селах, говорят крестьянские наказы на Губернский С‘езд. В некоторых селах Медвеженского уезда выборы происходили уже в атмосфере гражданской войны, которую вели крестьянские дружины с генералом Алексеевым. В этих селах земства уже не было. Оно скрылось, как только образовалась Советская власть.

Поэтому из некоторых сел ехали представители не от земства, а от Советов. Правда, таких сел было немного. Красной нитью проходит во всех этих наказах один важный факт, что в сознании крестьян Советская власть, революционная власть, противопоставлялась ненавистной крестьянам, насильно им навязанной—земской власти.

По селам в это время беднота стала поднимать голову, и принимать участие в выборах депутатов на Губернский Крестьянский С‘езд и Народное Собрание. Выбирали больше депутатами на Губернский С‘езд и на Народное Собрание сочувствовавших большевикам: бедноту, безземельных и больше всего солдат. Все 5 уездов дали делегатов, которые настроены были за введение Советской власти.

Трудную задачу представляло установить свою тактику большевистской партии. Большие трения были по этому вопросу между правыми и левыми большевиками.

На специальном собрании коллектива большевиков перед Народным Собранием все лево-большевистское крыло во главе с Морозовым и Анисимовым высказалось за насильственный захват власти в случае, если крестьянское Народное Собрание не примкнет к лозунгу „вся власть Советам“. Предлагалось следующее: на первом же собрании огласить от имени комитета партии большевиков соответственную декларацию и, если Собрание не отзовется сочувственно, совершить переворот, не останавливаясь перед применением вооруженного насилия.

Правые относились к предложению левых с сомнением и не хотели его принимать. Они предлагали вопрос о дальнейшей тактике отложить и, в случае, если Народное Собрание в большинстве выскажется против большевистской резолюции о переходе власти к Советам, покинуть залу заседания вместе со всеми поддерживающими резолюцию большевиков членами Собрания. В дальнейшем правому крылу большевиков представлялось возможным, обособив все большевистские элементы губернии, развернуть в деревне усиленную агитацию, чтобы овладеть необходимыми кадрами сельского населения (из воспоминаний Пономарева).

Правые плохо знали настроение крестьян. Делегаты на Губернский Крестьянский С‘езд и на Народное Собрание ехали с наказами, требующими установления Советской власти. Это обстоятельство они не учитывали. Правое крыло большевиков хотело играть в формальность, когда расчитывало свою тактику на собирание себе голосов в селе.

28 декабря стали с‘езжаться крестьянские делегаты от сходов и от волостных земств. Губернская Земская Управа

Здание бывшей III женской гимназии (Варваринская площадь), где помещалось общежитие делегатов I-го Губернского Народного Собрания. В нем большевики с делегатами-крестьянами предварительно подготовили провозглашение в губернии Советской власти.

не жалела денег для встречи гостей, желая угощениями расположить их в свою пользу.

Большевики несколько по иному встретили крестьян. Прежде всего постарались узнать настроение прибывших. Морозов и с ним еще другие товарищи-большевики старались поговорить со всеми приезжими. Некоторых крестьян, оказавшихся достаточно сознательными с первой же встречи, пригласили вступить в партию. Крестьянам раз'яснили, что Советская власть уже отдала землю крестьянам. В гимназии на Варваринской площади, где помещалось общежитие делегатов, крестьяне решили еще до заседания с'езда, что не только не надо противиться введению Советской власти, но напротив—надо постараться скорее ввести ее в Ставропольской губернии. Тогда же решили никакой другой партии не поддерживать, кроме большевиков

Большевистская газета „Заря Свободы" номер за 29 декабря—посвятила целиком вопросам с'езда. Первая статья, написанная т. Войтиком—„Золотая грамота эс-эров в земельном вопросе"—критиковала законопроект Главного Земельного Комитета, урезавшего даже земельную программу меньшевика Маслова. Газета была распространена среди всех делегатов 4-го Крестьянского С'езда.

Работу этого важного с'езда, оказавшего решающее влияние на Народное Собрание и на установление Советской власти в губернии, необходимо осветить подробнее. Это можно сделать, потому что от него сохранились все журналы и протоколы заседаний, списки всех делегатов и много наказов и постановлений сходов, представленных на с'езд делегатами.

Первое утреннее заседание, открытое Председателем Исполнительного Комитета Совета Крестьянских Депутатов Малием в 1 час дня, было посвящено выборам президиума. В последний вошли делегаты от всех уездов и ни одного городского интеллигента. Председателем был избран А. И. Сорокин (село Тищенское, Ставр. у.), тов. Председателя:—М. А. Бугаец (с. Преградное, Медвеженского уезда),—И. Дзюба (с. Николина-Балка, Благ. у.). А. К. Горбаченко (с. Новоселицкое, Алекс. у.), А И. Звягинцев (с. Безопасное, Ставроп. у.); секретари:—Т. Ф. Кузьмин (с. Томузловское, Александр. у.), Иллар. Ф. Демченко (с. Петропавловское), Д. А Якшин (сел. Безопасное). (Журнал с'езда № 1).

Президиум, приступив к работе, сделал интересное заявление:

„Мы, вновь избранный президиум 4-го Губернского С'езда (идет перечисление всех членов президиума),—нашли: Председатель Малий, не закрывши заседания, захватив с собой портфель

с наказами представителям от сел, исчез и для сдачи обязанностей на с'езд (собрание) не явился. Председателем Сорокиным от бывшего президиума журнал об открытии собрания и действиях президиума на этом собрании не получен, численность делегатов, прибывших на собрание, и количество выданных билетов в обмен мандатам—не известно"...

(Журнал № 1).

Вследствие этого собрание нашло, что приступить к решению вопросов с'езда нельзя и заседание отложили до вечера. Губернский Исполком Совета Крестьянских Депутатов допустил в данном случае большую небрежность, которая об'ясняется тем, что по наказам крестьян Исполком уже успел ознакомиться с большевистским настроением с'езда и расчитывал, спрятав наказы, воздействовать на делегатов. На первом же заседании с'езда были допущены к участию в работах с'езда представители от Совета Солдатских Депутатов с решающим голосом и от других областей Кавказа—с совещательным голосом. В числе солдатских депутатов был проведен большевик Анисимов. Собрания свои крестьяне решили проводить в строгом порядке. Запрещено было даже курить.

На вечернем собрании присутствовало 157 делегатов и 35 гостей с правом совещательного голоса. Прежде всего собрание разрешило Маянцу сделать внеочередное заявление о решении Главного Земельного Комитета, в котором, Маянц принимал участие. Какое впечатление получилось от доклада, об этом выпукло говорит запись в журнале № 2:

„Прослушав доклад Маянца и убедившись, что Маянц, заявляя—мы землю можем конфисковать у частновладельцев и прочих до Учредительного Собрания, а между тем „проект выработан для внесения в Учредительное Собрание", следовательно, подводит нас к безоснованности и самочину, решили тов Маянца не приветствовать и отнестись к нему за явную ложь с недоверием".

В газете эс-эров так отмечено выступление Маянца по впечатлениям делегата:

„Речь Маянца о законопроекте для внесения в Учредительное Собрание встречена жиденькими аплодисментами и неодобрительными криками публики..."

(„Северо-Кавказское Слово", 848).

Более подробно о том же говорится в одном из воспоминаний участника, нисколько не противоречащем приведенным документам:

„Докладчик знакомит с'езд о том, что он недавно прибыл из Петрограда и привез книгу—закон о земле. Поднимая книгу к верху, докладчик восклицает:—вот эта книга. Эта книга написана золотыми буквами... Эта книга принесла неоценимый клад для крестьян Ставропольской губернии. Делегаты из разных

Здание бывш. Александровской гимназии (теперь помещается Совпартшкола,—Нестеровская улица, № 1), где происходило первое заседание IV Губернского Крестьянского С‘езда.

сел прерывают докладчика вопросами: „кто вас посылал в Петроград"?—„Население". „Обманщик, прочь с трибуны"!—ответил крик массы голосов".

(Воспоминание Сараева).

Второе собрание признано было также совещательным, при чем постановили на следующий день утром приступить к обсуждению вопросов с'езда, не ожидая приезда запоздавших делегатов.

На третьем, утреннем, собрании 30 декабря присутствовало уже 250 делегатов. Прежде всего с внеочередным заявлением выступил Председатель Исполнительного Комитета Совета Крестьянских Депутатов Малий по поводу записи в журнале № 1. После его заявления секретарь Кузьмин сделал такое возражение: „Кому же можно верить: Малию, или с'езду в количестве 153 человек? (Письмо Малия. „Сев.-Кавк. Слово", 847).

С'езд по поводу этого выступления занес в журнал № 3 следующее постановление:

„Выслушав протест Милия и опровержение, высказанное тов. Кузьминым, нашли, что протест Малия не основательный и от порицаний не освобождается".

Единогласно С'езд принял предложение рассматривать первым вопрос об организации губернской власти и единогласно же постановил: „Предложить губернскому комиссару отложить Общегубернское Народное Собрание до 8 часов вечера 31 декабря с. г.". Это постановление было ответом на требование освободить помещение для Народного Собрания.

С докладом по вопросу о власти в губернии выступил Иванчин-Писарев, избранный, как уже упоминалось, докладчиком по этому же вопросу и на Губернском Народном Собрании. В журнале № 3 об этом докладе сказано: „он вывел заключение о необходимости введения в Ставропольской губернии самостоятельного правления независимого ни перед кем, с выпуском своей монеты".

С возражениями по докладу выступал секретарь с'езда т. Кузьмин и заявил, что ему поручено селом Томузловским отстаивать власть „Совета Крестьянских, Солдатских и Рабочих Депутатов". Он затем указал, что в докладах с мест проводится та же мысль. Другие ораторы его поддерживали. В результате единогласно принята резолюция:

„Всю власть в губернии передать, как в центре, так и на местах, Советам Крестьянских и Рабочих Депутатов впредь до открытия Учредительного Собрания, с защитой этого права с оружием в руках".

(Журнал № 3).

После 3-х часового перерыва было принято предложение т. Сорокина—пункт 4 повестки о земле перенести на Общегубернское Народное Собрание. После этого заседание перешло к обсуждению 5-го пункта повестки о том, что Исполнительный Комитет Совета Крестьянских Депутатов слагает с себя полномочия. С мотивированным предложением выступил по этому вопросу опять т. Кузьмин. Он заявил, что в воззвании о созыве с‘езда Исполнительный Комитет нанес оскорбление чувствам народа, и что поэтому отношение крестьян к Исполнительному Комитету обострилось, а равно и ко всему Губернскому Совету за его бездеятельность. Внесено было предложение избрать вновь весь Губернский Совет в составе 60 депутатов из числа явившихся на с‘езд.

Поддержанное другими ораторами, предложение было принято. Намеченные кандидаты по 11 человек от Александровского, Свято-Крестовского и Ставропольского уездов, 13 от Медвеженского и 14 от Благодарненского, пропорционально числу сел, кроме того 2 депутата от трудовых мещан города, в заседании 31 января были утверждены.

Чтобы оформить все решения с‘езда, была избрана комиссия из следующих лиц: „солдата Анисимова и граждан Кулешова, Водолазова, Зайцева, Прокопайло и Гладкова“. (Журнал № 3-а).

Раньше уже упоминалось, что в Губернское Народное Собрание было предположено включить 50 депутатов-крестьян, по 10 от каждого уезда. Когда на с‘езде был поднят вопрос о выборах, делегат от села Безопасного Д. А. Якшин предложил влиться всему с‘езду в Общегубернское Народное Собрание. Это было принято единогласно. (Журнал № 3-а). И это было совершенно правильное решение: все крестьяне-депутаты имели одинаковые полномочия, пропорциональность представительства от города и уездов от этого нисколько не нарушалась, напротив представительство от города по-прежнему оставалось более сильным, чем от уездов.

Последнее заседание 4-го Крестьянского С‘езда состоялось утром 31 декабря. В этом заседании президиуму было поручено немедленно проверить полномочия делегатов, а затем была заслушана и принята резолюция, выработанная комиссией. В журнале № 4 об этом имеется такая запись:

> „Выслушав резолюцию и пояснения доклада секретаря комиссии солдата Анисимова, единогласно постановили: резолюцию в 12 пунктах... принимаем..., эту резолюцию внести в Общегубернское Народное Собрание, открытым быть предполагающееся в 8 часов вечера сегодня же.“

Согласно постановления с‘езда резолюция была напечатана на отдельном листке и разослана по селам.

Первые 3 пункта говорят о том, что Октябрьская Революция положила конец соглашательской политике с буржуазией и помещиками и вообще конец буржуазному строю. В четвертом пункте выражается солидарность Ставропольского крестьянства с Советской властью, созданной Октябрьским переворотом. 5-й пункт указывает причины, вызвавшие переворот: разруха, голод, финансовый крах, как результаты предательской деятельности буржуазии. 6-й отмечает попытки буржуазии совершить контрреволюцию, при чем упоминается Калединщина и Юго-Восточный Союз. 7-ым подчеркивается, что буржуазия пытается и Учредительное Собрание использовать с контрреволюционной целью, и Ставропольское крестьянство заявляет, что тех, кто пытается через Учредительное Собрание задушить рабоче-крестьянскую революцию, не должно быть в Учредительном Собрании. В 8-м пункте крестьяне требуют полноты Советской власти, которая должна контролировать производство и распределение продуктов и озаботиться о спасении безработных от голода. В следующих 3-х пунктах говорится о необходимости смести Юго-Восточный Союз, произвести перевыборы советов по селам и в губернии и упразднить земство. Последний, 12-й, пункт отмечает, что отныне вся власть в Ставропольской губернии принадлежит народу в лице Советов Крестьянских, Рабочих и Солдатских Депутатов. Особенно поражает 8-й пункт резолюции, несомненно отражающий деревенскую действительность, где одна часть населения утопала в хлебе, а другая— безработные, сироты и вдовы—ожидали спасения от голодной смерти только от сильной Советской власти.

С принятием резолюции с'езд закончился. На эс-эров, инициаторов этого с'езда, он произвел ошеломляющее впечатление. Многие из докладчиков отказались делать доклады; а лучший докладчик Иванчин-Писарев, то прерываемый возгласами с мест, то останавливаемый президиумом, вынужден был скомкать свой доклад „выпустив всю суть доклада". („Северо-Кавказское Слово", 848). В журналах С'езда, написанных очень сжато, не упоминается о присутствии на с'езде большевиков из Петрограда. Однако, в эс эровской газете один из делегатов отмечает: „оратору болшевику из Петрограда шумно аплодируют". („Сев.-Кавк. Слово", 844).

Настроение и резолюция с'езда предрешили победу большевиков и на Губернском Народном Собрании. Эс-эровская газета „Северо-Кавказское Слово" так описала с'езд:

„29 декабря должно было состояться открытие 4-го Крестьянского С'езда Ставропольской губернии. Этот С'езд население города ждало с большим нетерпением, так как ясно было, что

воля этого с‘езда, выражающая мнение крестьян, должна решить боевой в настоящий момент вопрос о власти.

Утреннее заседание С‘езда открылось при переполненной зале, в которой преобладают серые шинели солдат, мелькают, хотя реже, и матросские куртки. С‘езд открывается выбором Президиума во главе с председателем т. Сорокиным. С самого начала чувствуется, что настроение большинства С‘езда—большевистское, навеянное и подкрепленное преобладанием солдатских делегатов.

Ввиду того, что в первый день с‘ехалось меньше половины ожидавшихся делегатов, С‘езд признает свое заседание лишь совещательным. И тут уже ярко наметился большевистский характер С‘езда. Большевистские речи ораторов встречают самое шумное одобрение в рядах публики, состоящей преобладающим образом из солдат. Ораторам-большевикам, даже не-делегатам, как, например большевику из Петрограда, шумно аплодируют, ораторов-же других партий встречают явно враждебно.

На второй день С‘езд открылся уже в зале мужской гимназии. И тут та же взволнованная, разгоряченная атмосфера и тов Иванчину-Писареву при чтении своего доклада „Об организации власти“ приходится иметь дело с явно враждебной аудиторией, которая не желает выслушивать докладчика, прерывает его криками „довольно“, „долой“ и т. д.

И вслед за докладом опять полились обвинения всех инакомыслящих в продажности. Президиум не останавливает ораторов при произнесении даже явно бранных выражений в роде „мерзавцев“, „подлецов“.

Ораторы же большевики опять встречают гул одобрения. И отдельные крестьяне, явно не большевики, приехавшие с лозунгами „Вся власть Учредительному Собранию“, не смеют выступать на трибуну с защитой своих положений“.

Заканчивается эта заметка так:

„Большевики торжествуют большую победу. Эс-эры повержены в прах“.

Общегубернское Народное Собрание должно было заседать в том помещении, где заседал Крестьянский С‘езд. Оно открылось в 8 часов вечера 31 декабря.

Подавляющее большинство Губернского Народного Собрания составляли крестьяне. Всего зарегистрированных на Губернском С‘езде было 264 делегата. Кроме того были делегаты-крестьяне от волостных земств, как гости. Их было от 100 до 150 человек. Таким образом всего на с‘езде было до 500 участников.

Большинство членов с‘езда были беспартийные, но сочувствующие большевикам крестьяне. От города,—от Советов, Бюро профсоюзов и от полков,—в Народное Собрание прошло не менее 15 лучших работников Ставропольской организации большевиков, из них: Пономарев, Анисимов, Морозов, Веревкин, Голубов, Бояр, Вифляев, Хорошева, Литвиненко, Завалишин, Петрыкин и др. От сел были также большевики,

А. И. Сорокин.

Председатель IV Губернского Крестьянского С'езда, на котором была вынесена резолюция о провозглашении Советской власти в губернии. Член ВЦИК в 1918 г.

частью уже записавшиеся в партию, а частью записавшиеся в нее вскоре после с'езда; таковы: Сараев, Медведев, Гладков, Якшин, Звягинцев, Репухов, Мощенко, Пантелеев, Пудло, Путря, Гайворонский, Ефименко, Бугаец, Чуб, Фисенко и др. Значительное число было также меньшевиков и в особенности эс-эров. Последних много прошло от земства. Городская Дума провела на Собрание лидеров партии кадетов.

О направлении работы Народного Собрания можно судить по наказам, полученных крестьянами от сел. Прежде всего в Народное Собрание были представлены все наказы 4-го Крестьянского С'езда. Но и те наказы, которые давались специально для Народного Собрания, также были пропитаны „советским" духом. Самый полный наказ, отвечающий на все вопросы повестки Народного Собрания, был дан 10 делегатам от Александровского уездного Совета Крестьянских Депутатов. В нем говорится, что после Октябрьского переворота „вся власть перешла в руки народа... Совет Народных Комиссаров есть истинная власть крестьян, рабочих и солдат в России"... Об учредительном Собрании говорится, что оно только тогда „оправдает возлагаемые на него надежды народа, если утвердит завоевания Октября", и тут же прибавляется, что „члены Учредительного Собрания могут быть отзываемы и переизбираемы". По аграрному вопросу в наказе делается ссылка на постановление уездного с'езда, о котором говорилось выше, при чем прибавляется, что на конфискованных землях уже должен быть сделан весенний посев 1918 г. На копии наказа подпись т. Войтика.

Очень хороший наказ по определенности и сжатости дан селом Петровским. Кроме требований предыдущего наказа, он имеет еще следующие пункты:

„1. Национализация банков.
2. Диктатура трудового народа.
3. Гарантия трудового народа от голода".

Подписи на наказе стояли: Пантелеев, Фисенко, Зубенко. В наказе от с. Нагутского, кроме введения Советской власти и других большевистских требований, говорится об „урегулировании цен на все продукты первой необходимости".

Александровское волостное земство включило в свой наказ также и требование об удалении Комиссара Старлычанова за „противореволюционную" деятельность", которая отмечена уездным КОБ'ом в Ставропольских, Ростовской и Пятигорской газетах в письме от 14 декабря 1917 года. Подписан наказ Максимовым и Абалаковым. Впоследствии выяснилось, что Старлычанов был правокатором.

Наказ Суркульского общества, Александровского уезда, от 28 декабря говорил следующее:

„1. Вот как мы думаем. Наша революция, которая родилась под знаменем социальной революции, которая должна дать народам мира крестьянам—землю и волю, рабочим—контроль над производством; должна завершить начатую великую борьбу пролетариата и крестьянства против капитала. Восьмимесячный опыт коалиции показал, что не все социалистические партии способны проводить выдвинутую самой жизнью программу мира, хлеба, земли и рабочего контроля. Посему мы считаем, что власть должна быть выдвинута из той партии, которая показала свою творческую деятельность и жизнеспособность и что эта власть [должна быть] ответственна лишь только перед Всероссийским Советом Рабочих и Крестьянских Депутатов и его Центральным Исполкомом. И только такая власть будет признана и поддержана всей мощью Суркульского общества. Требуем передачи на местах всей власти от чиновников и буржуазии Советам Крестьянских, Рабочих и Солдатских Депутатов.

2. Мы протестуем против стремления Ставропольской буржуазии и помещиков-тавричан, которые желают втянуть Ставропольскую губернию в Юго-Восточный Союз, т. е. в казацко-помещичье Государство рукою единения (очевидно понимать просто в единении. Ред.) Корниловым и Калединым".

Приговор крестьянского схода с. Спасского, Благодаренского уезда, от 22 декабря требовал:

„1. Признать верховную власть Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов...

2. Протестовать против Губернского Исполнительного Комитета Крестьянских Депутатов, который в своих воззваниях называет армию и флот несознательными и те партии, которые свергли буржуазное Правительство, называют безумными.

3. Поддерживать Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, которые заботятся о скорейшем прекращении войны и заключении прочного мира без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов.

4. Мы поддерживаем такое Учредительное Собрание, которое явится истинным выразителем воли народа, когда из него будут из'яты кадеты, предатели революции, враги рабочих и крестьян.

В наказе крестьян Богородицкой волости, Медвеженского уезда, говорилось:

„1. Приветствовать 2-й Всероссийский С'езд Крестьян, Рабочих и Солдат, который действительно есть выразитель воли трудящегося народа, а также приветствуем изданные им декреты (законы) о мире, земле, о рабочем контроле.

2. Приветствуем Совет Народных Комиссаров, как первое Народное Правительство, которое выполняет волю трудового народа...

Мы заявляем через своих товарищей-делегатов, что только власть Советов—Народную власть поддержим и никакой другой власти, противной трудовому народу—мы не признаем и будем бороться за народную власть, власть Советов, всеми силами".

Одно только собрание села Донского, Ставропольского уезда, прислало депутатов с наказом против Советской власти и большевиков.

При открытии Народного Собрания „об'единенной демократии" с самого начала пришлось получить два тяжких удара. Прежде всего ее не пустили в президиум, в который вошли большевики, максималисты и интернационалисты и крестьяне. Организация большевиков, зная настроение крестьян, заранее наметила товарищей в члены президиума. При чем на председательское место предположено было провести т. Анисимова, левого большевика, а товарищем председателя—Пономарева. Из максималистов были намечены Мещеряков и Зайцев; секретарями — интернационалист Селивановский и большевик Хорошева, и затем, по одному представителю от каждого уезда из крестьян.

Здание бывш. мужской гимназии, где заседал IV Губернский Крестьянский С'езд и Общегубернское Народное Собрание (площадь Луначарского).

Другой удар „об'единенные" получили от Собрания, когда поднят был вопрос о правильности представительства от различных организаций и учреждений. Началась „чистка" Собрания. Много интеллигентских представителей были лишены права участия в Собрании, в том числе представитель от союза городских учителей.

Не даром Старлычанов считал „рассмотрение вопроса о дальнейшем пополнении состава Собрания нецелесообразным из тактических соображений" еще на заседании комиссии 23 декабря. (Протокол от 23 декабря). Он предчувствовал, что многим представителям со стыдом придется уходить с Народного Собрания.

Но и тем „интеллигентам", которые остались, выступать на Собрании почти нельзя было. Газета эс-эров соболезнует по этому поводу:

„На Народном Собрании Ставропольской губернии массою крестьян и солдат была обнаружена ужасная неприязнь, если не сказать ненависть к интеллигенции ..

Мотивировка самая простая—„буржуи"... Больно и обидно за многострадальную русскую интеллигенцию"..

(„Северо-Кавказское Слово". 846).

Эти две группы,—крестьяне и рабочие с одной стороны и интеллигенция с другой,—были противопоставлены одна к другой, как революция и контр-революция. Первая группа стояла за Советы, вторая—за Юго-Восточный Союз, собиравшийся задушить Советы. О каких же нежностях можно было мечтать в этот момент.

Народное Собрание поставило на обсуждение первым вопрос о власти в губернии, потому что с решением его в пользу Советской власти отпадали сами собой многие другие вопросы повестки. Работа началась с чтения наказов, большая часть которых требовала введения Советской власти в губернии. Когда началось обсуждение этого вопроса, Собрание приняло чрезвычайно бурный характер. Меньшевики и эс-эры принимали все меры к тому, чтобы сорвать собрание. Но большевики всякий раз брали верх и с'езд продолжал работу. Эс-эры и меньшевики говорили без очереди, сами лезли на трибуну. Одного из ораторов—Сухотько, дважды выводили под руки за двери, но он все-же возвращался и лез на трибуну. И если бы большевики не успокаивали крестьян, то они расправились бы с нарушителями порядка работ с'езда по своему. Наконец меньшевики и эс-эры попробовали уходом сорвать с'езд, пригласив с собою сочувствующих. Однако ушло с ними мало людей, и они снова вернулись, чтобы помешать голосованию, придирались ко всякой мелочи, поднимали по две руки. Но ничто не могло остановить уже решенного крестьянами вопроса. С'езд принял постановление организовать в губернии власть Советов Рабочих, Крестьянских и Солдатских депутатов и признать в России законной властью—Советскую власть.

Это случилось в полночь, как только стрелка часов перешла за 12 и склонилась к новому году. Тогда же была отправлена телеграмма вождям революции—Ленину и Троцкому,—в которой с'езд дал клятвенное обещание бороться с контрреволюцией, откуда-бы она не начиналась. На с'езде присутствовали представители Кубанской, Терской и Донской областей. Они выразили приветствие с'езду и дали обещание содействовать учреждению Советской власти в своих областях.

1-го января Народное Собрание приняло декрет о власти. Оно установило три верховных органа: Губернский Совет Депутатов, Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров.

Вторым важнейшим вопросом, который разрешило Народное Собрание, был вопрос о земле. Большевиками было

Г. И. Мещеряков.

Первый председатель Губернского Исполкома. Максималист. Расстрелян белыми в 1919 г. по дороге из г. Ставрополя в Харьковскую тюрьму.

Здание, где помещался первый Губисполком и Совет Народных Комиссаров (Красная ул.).

предложено принять декрет о земле, принятый Вторым Всероссийским С'ездом Советов. Народное Собрание приняло его единогласно.

3-го января происходили выборы депутатов на Всероссийский С'езд Советов, назначенный на 15-е января, а также произведены были дополнительные выборы в Губернский Совет. От крестьян нужно было избрать еще 70 человек, а всего представительство от крестьян имело 130 мест. На Всероссийский С'езд от крестьян было избрано 5 человек по одному от уезда: И. Головин, А. Звягинцев, Т. Шевченко, П. Ерещенко и Т. Минаков. От города на этот с'езд был избран т. Вифляев, которому поручено было установить персональную связь губернии с центром.

С выборами Губернского Совета окончилась работа Народного Собрания. Губернский Совет выделил из своей среды Исполнительный Комитет, а последний—Совет Народных Комиссаров из 9 человек. В Исполнительный Комитет вошли следующие большевики: Пономарев, Анисимов, Сохацкий, Петрыкин, Смирнов, Вифляев, Веревкин, Вальяно, Иванов, Сараев, Медведев, Тесленко и сочувствующие им крестьяне.

6 февраля все население губернии было оповещено посредством плакатов большого формата о введении в губернии Советской власти и о следующем его составе выборных органов:

„1. Председатель Совета Народных Комиссаров—Пономарев, А. А., он-же комиссар внутрен. дел (высшее образование, большевик).

2. Товарищ Председателя и Комиссар по военным делам—Анисимов Н. А., (студент Петроградского университета, большевик).

3. Комиссар финансов—Ратнер С. М. (меньшевик).

4. Комиссар продовольствия и торговли—Мацкевич В. Н., (высшее образование, максималист).

5 Комиссар труда и промышленности—Дубянский Г. В., (инженер, интернационалист)

6. Комиссар земледелия и сельского хозяйства—Медведев Ф. Ф (крестьянин села Ивановского, большевик).

7. Комиссар земельных реформ—Гладков Я. В. (крестьянин села Сергиевского).

8. Комиссар юстиции—Тесленко Я. М. (частный поверенный, из села Березовского).

9. Комиссар путей сообщения—Петров И. П. (десятник-техник, из с. Петровского).

Президиум Первого Губернского Исполнительного Комитета состоял из следующих лиц:

„1. Председатель—Мещеряков Г. И. (народный учитель, максималист).

2. Товарищ Председателя—Мирошников П., И. (солдат, интернационалист).

3. Секретарь—Селивановский Г. Г. (народный учитель, интернационалист)

До выборов Исполкома и Совнаркома Высшею Губернской властью был Президиум Губернского Народного Собрания.

Крестьяне губернии встретили Советскую власть с полным доверием, и Советы по селам очень скоро заменили ненавистное крестьянам земство.

Советами на местах были приняты самые решительные меры к оказанию помощи бедноте за счет зажиточного класса. Решен был и земельный вопрос—гвоздь всей революции. Безземельные и малоземельные получили наделы для весеннего посева. Засеянные озимые поля частных владельцев были распределены между неимущими и возвратившимися из плена солдатами.

Делегаты, возвратившиеся в феврале с Третьего Всероссийского С'езда Советов, доложили крестьянам, что Учредительное Собрание и Главный Земельный Комитет были распущены, как не соответствующие интересам трудового народа. Крестьяне губернии с одобрением приняли это известие.

Контр-революция в это время стягивала свои силы со всех концов России на Северный Кавказ и начала поход на революционную Ставропольскую губернию. Советы организовывали отряды красной гвардии и выступили на защиту Октябрьских завоеваний.

И началась тогда гражданская война в губернии.

Приложение

„Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“

Российская Социал-Демократическая рабочая партия (большевиков).

Ко всем рабочим, солдатам и крестьянам.

Близок день выборов в Учредительное Собрание. Каждый гражданин должен быть 12 ноября у избирательных урн, чтобы подать свой голос за кандидатов, которые были бы достойными представителями и защитниками его интересов. Там, в Учредительном Собрании, они должны вместе с избранниками других губерний и областей решить судьбы России. От состава избранных вами представителей зависит, когда закончится ненавистная народу война, сохранится ли у нас республика или услужливые прихвостни господствующих классов вернут нам царское самодержавие, получат ли крестьяне землю, получат ли рабочие законы, отстаивающие им человеческое существование.

Граждане! Идите к избирательным урнам, но хорошенько подумайте, за кого вам голосовать.

Кто хочет, чтобы чиновники по-прежнему самовластно правили вами, разоряя и обирая вас, что хочет „порядок“ старого режима, поддерживавшегося полицейским кулаком и плетью жандарма и стражника, кто хочет получить помещичью землю за разорительные платежи и тот, кто совсем не хочет лишать помещиков их мнений, те пусть голосуют за партию народной свободы (кадетов).

Кто хочет войны без конца, кто хочет захвата Константинополя и чужих земель, кто хочет в корень подорвать народное хозяйство—тот пусть голосует за партию народной свободы (кадетов).

Кто хочет, чтобы в Учредительном Собрании сидели друзья кадетов, которые отличаются от кадетов только по имени, пусть голосует за партию народных социалистов,

Кто хочет получить землю за выкуп, кто хочет войны „до победного конца“, а вместе с войной дальнейшего разоренья народа, кому нужно, чтобы власть оставалась у помещиков-капиталистов, тот пусть голосует за список социал-демократов-меньшевиков.

В этом списке на первом месте стоят плехановцы, которые все время тянут руку буржуазии, там выставлены меньшевики-оборонцы, которые своим союзом с помещиками и капиталистами 8 месяцев губили Россию и революцию.

Кто захочет слушать заманчивые, но невыполнимые обещания, тот пусть голосует за социалистов-революционеров, потому что эта партия на словах обещает и землю и волю, на деле же недалеко ушла от социал-демократов-меньшевиков, поддерживает у власти помещиков и капиталистов, вместе с ними арестовывает крестьянские (земельные) комитеты, когда крестьяне отбирают у помещиков землю.

Кто хочет продолжения войны, тот пусть отдает свой голос социалистам революционерам, ибо социалисты-революционеры на словах за мир, на деле за поддержку захватной войны.

Кто хочет хозяйственного развала России, кто хочет, чтобы бумажные деньги вовсе ничего не стоили, чтобы народ путем государственных займов все больше и больше закабалялся капиталистами, тот пусть голосует за социалистов-революционеров потому, что социалисты-революционеры не хотят государственного контроля над фабриками и заводами, препятствуют проведению поимущественного налога, не хотят ограничить безумные прибыли фабрикантов и заводчиков.

У вас есть одна партия, которая все время шла с пролетариатом и крестьянством против помещиков, фабрикантов, заводчиков и банкиров.

Эта партия никогда не предавала ваших интересов. Она с первых дней революции высказывалась против соглашения с буржуазией. Она все время отстаивала, чтобы вся власть и до Учредительного Собрания была в крепких, надежных руках рабочих и крестьян.

Если вы хотите мира без грабежа других народов, если вы не хотите, чтобы вас ограбили при окончании войны помещики и капиталисты других стран, голосуйте за большевиков, ибо партия социал-демократов большевиков требует немедленного мира, требует, чтобы мир был заключен самими народами, а не правительствами помещиков и капиталистов.

Если вы хотите, чтобы земля действительно перешла к вам и притом без всякого выкупа, голосуйте за большевиков, ибо партия социал-демократов-большевиков всегда настаивала на том, чтобы все помещичьи и другие частно-владельческие земли немедленно были переданы в руки крестьянских и земельных капиталистов.

Если вы хотите, чтобы барыши капиталистов были бы поурезаны, если вы хотите, чтобы государство и рабочие установили контроль над фабриками и заводами, чтобы у населения была одежда и обувь, и чтобы на все фабричные изделия были твердые цены, голосуйте за большевиков.

Если вы не хотите, чтобы вернулся старый „прижим", чтобы власть не была у буржуазии, голосуйте за большевиков,

ибо только партия социал-демократов-большевиков неустанно борется с засилием буржуазии, требуя, чтобы помещики и капиталисты были отстранены от власти.

Пусть же все рабочие, солдаты и крестьяне, как один, пойдут к избирательным урнам со списками партии пролетариата и крестьянства,

со списками Российской социал демократической рабочей партии (большевиков).

Граждане и гражданки, голосуйте за кандидатский список № 2-й.

Ставрополь-Кавказский Комитет Российской
Социал-Демократической Рабочей партии
(большевиков).

К товарищам-солдатам.

Товарищи-солдаты! Контр-революция подняла голову по всему Северному Кавказу; начинает господствовать нагайка. Корнилов, Каледин и Караулов душат революцию.

Эти „республиканцы“ сейчас все усилия напрягают, чтобы не дать крестьянам земли, отобрать все завоевания революции, учиняют насилия над Советами, разгоняют рабочие и крестьянские организации, вводят смертную казнь, потопив в крови требования угнетенных и порабощенных.

Товарищи! Контр-революция мобилизует все свои силы в то время, знайте-же, что издавая приказ о роспуске солдат по домам, господа Каледины и Карауловы призывают вас под свое черное знамя смерти, насилия и кулаков.

Юнкера соединяются с горцами и с ними атаковывают вас и вместе будут против революции.

Солдаты, что было бы с вами, если бы на руку Караулова и Каледина, раз'ехались бы по домам, что сталось бы с землей и волей, чего так долго и веками добивались ваши отцы.

Товарищи! Время проснуться и время понять; вас посылают домой по деревням. А к городам стягиваются казаки. Революция в опасности и вот в этот решительный момент вашими усилиями здесь сорганизовался военно-революционный комитет, который будет всеми мерами бороться с явыми и тайными контр-революционными выступлениями.

Никакой пощады не будет тем, кто посмеет посягнуть на завоевания рабочих, солдат и крестьян. Никакой уступки контр-революционным кликам.

Братья! Военно-революционный комитет призывает вас стать под красное знамя борьбы за землю, мир и свободу, к поддержке всеми силами и средствами нашей революции. Все, как один, вы должны стойко стоять на своем революционном

посту, зорко следить за нашим врагом, помните отныне судьбы ваших братьев, жен и детей, отцов и матерей в ваших же руках, пусть же каждый из вас не покидает своего тяжелого поста в такую минуту, в вашей среде не должно малодушных быть, вместе все за работу, вместе с военно-революционным комитетом, никаких выступлений без ведома военно-революционного комитета, спокойствие и выдержки.

Знайте, военно-революционный комитет начал работать, не позволит коих господам Карауловым и Калединым, попирая права рабочих, и крестьян и солдат. Долой контр-революционеров! Долой Каледина и Караулова!

Да здравствуют рабочие и крестьяне!

Да здравствует власть Советов!

Военно-Революционный Комитет
Ставропольского гарнизона.

(Помещено было в газете „Заря Свободы" за 14 декабря 1917 года).

РЕЗОЛЮЦИЯ

4-го Ставропольского Губернского Крестьянского С'езда.

1) 8-ми месячное господство соглашательской политики с буржуазией привело страну к октябрьской революции. Крестьянин, солдат и рабочий поняли всю гибельность сотрудничества со своими врагами и одним дружным напором смели подгнивший трон правительства помещиков и казнокрадов.

2) Соглашательская политика, как политика лицемерия и предательства буржуазией многомилионного крестьянства и рабочих, потерпела крах и ускорила завоевание власти пролетариатом и крестьянством.

3) Многовековое господство капиталистов и помещиков усилиями наших отцов, братьев и сыновей разрушено и на развалинах буржуазного правительства сооружено новое здание Российской Республики с правительством народных Комиссаров, опирающегося на Центральный Исполнительный Комитет Советов Рабочих и Солдатских Депутатов и на Центральный Комитет Крестьянских Депутатов.

4) Мы, представители от крестьян Ставропольской губернии, прежде всего приветствуем Всероссийский Исполнительный Комитет Советов Крестьянских, Рабочих и Солдатских Депутатов и заявляем, что наша Ставропольская губерния тесно и неразрывно связана лишь с этой властью, как властью выражающей интересы трудового народа.

Лишь эта власть нанесла решительный удар мировой империалистической войне и открыла нам путь действительно революционной борьбы за всеобщий демократический мир.

5) Хозяйственная разруха, голод, полный финансовый крах —вот результаты предательской работы буржуазии,—все это

вызвало исстрадавшихся и измученных крестьян и рабочих взять власть в свои руки.

6) Буржуазия разбитая и раздавленная в открытом бою, там, на севере, решила перебросить свое восстание против крестьянской и рабочей власти на юг. Она организовала Калединщину и Юго-восточный союз Генералов с целью отнять власть у Советов Крестьянских, Рабочих и Солдатских Депутатов. Но близок час расплаты потому, что трудовое казачество уже отшатнулось от своих Генералов и идет за Советской властью.

7) Капиталисты и помещики не желая отдать земли крестьянству, ввести рабочий контроль, не желая расставаться со своим сокровищем, решили использовать в этих целях и Учредительное Собрание. И мы, крестьяне, заявляем, что в Учредительном Собрании не должно быть тех, кто посмеет итти не с Советской властью, и кто тем самым хочет чрез Учредительное Собрание задушить рабочую и крестьянскую революцию.

8) Все мы будем стремиться к закреплению власти Совета Крестьянских, Рабочих и Солдатских Депутатов. Как в центре, так и на местах вся полнота власти принадлежит Советам, и этой власти подчинены все учреждения, как хозяйственные, так и административные. Эта власть, как власть крестьян и рабочих, должна ввести немедленный контроль над производством и распределением продуктов, контроль над банками, по заводским предприятиям и т. д. Издать декрет гарантий о защите безработных от голода.

9) Юго-восточный же Союз Генералов, помещиков и капиталистов, как гнездо контр-революции, должен быть нами и трудовым казачеством сметен.

Трудовое казачество мы призываем к совместной с нами работе и к созданию Совета трудовых казаков против власти Каледина.

10) Четвертый Губернский Крестьянский С'езд постановляет произвести немедленно по Ставропольской губернии перевыборы Советов, как в центре, так и на местах (по селам)

11) Земство упраздняется навсегда с передачей всех функций и имущества Советам.

12) Вся власть отныне Ставропольской губернии принадлежит народу в лице Советов Крестьянских, Рабочих и Солдатских Депутатов

Председатель *Сорокин.*

Секретарь *Кузьмин*

Принято 31 декабря 1917 г. 11 час. дня).

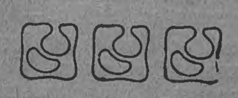
Архивные и литературные источники, использованные при составлении брошюры.

1. Фонд канцелярии Ставропольского губернатора и губернск. комиссара за 1917 год: телеграммы, переписка, воззвания—АОР Ставропольской губернии.
2. Фонд Ставропольского Совета крестьянских депутатов—АОР Ставропольской губернии.
3. Дело по созыву 4-го крестьянского С'езда: воззвания, журналы заседаний, мандаты, наказы депутатам, списки членов с'езда, списки членов Губернского Совета—АОР Ставропольской губернии.
4. Дело по созыву Общегубернского Народного Собрания (Фонд Ставропольского Губернского Земства),—АОР Ставропольской губернии.
5. Фонды Ставропольской городской Думы за 1917 г: журналы, дела по выборам в Ставропольскую городскую Думу,—АОР Ставропольской губернии
6. Фонд Александровского Уездного Совета за 1917—18 годы. Протоколы заседаний Совета, переписка. АОР Ставропольской губ.
7. Фонд жандармского Управления за 1913--16 годы,—АОР Ставропольской губернии.
8. Дела предварительного следствия по разгрому частных лавок в Ставропольской губернии в 1916 году,—АОР Ставропольской губ.
9. Фонд листовок за 1917—18 годы,—АОР Ставропольской губ.
10. Фонд Бюро профессиональных союзов: протоколы заседаний, переписка (Архив совпрофа).
11. Брошюра Овчиникова: „Сельское хозяйство Ставропольской губернии в прошлом и настоящем".
12. Обзоры Ставропольской губернии по данным Ставропольского губ. Статистического Комитета за 1906—1915 годы.
13. Газета „Северо-Кавказское Слово", орган правых эс-эров за 1917 и частью за 1918 год,—АОР Ставропольской губернии.
14. Газета „Известия" Ставропольского Комитета Общественной Безопасности за 1917 год. АОР Ставропольской губернии.
15. Газета „Заря Свободы", издававш. Советом солдатских депутатов Ставропольского гарнизона за 1917 г.,—АОР Ставропольской губ.
16. Воспоминания участников событий: А. Пономарева, Сараева, Веревкина, Склярова, Гладкова, Гамаюнова, Промовендова, Литвинова, Самсонова и др., собранные Ставропольским Истпартом.
17. „Спутник Партработника" № 1—2 1924 год.
18. Журнал Ставрополье.
19. Хроника революционных событий за 1917 год.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

От редакции . . . . 3.
От 1905—6 г. к революции 1917 г. (вступление) . . 5.
1. После падения самодержавия . . . . 13.
2. Новая губернская буржуазная власть . . . . 15.
3. Советы до Октября . . . . 18.
4. Новая власть в селе . . . . 22.
5. Среди национальных меньшинств . . . . . 26.
6. Партии . . . . 28.
7. Война и население . . . . 35.
8. Земельный вопрос и земельные комитеты . . . 39.
9. Отклики на июльские события . . . . . . 42.
10. Продовольственный кризис . . . . 48.
11. Конт-революция . . . . 52.
12. Выборы в Учредительное Собрание . . . . . 58.
13. Октябрьский переворот . . . . 64.
14. Период безвластия . . . . 70.
15. За Советскую власть . . . . 75.
Приложение . . . . 97.

Цена - 55 коп.

Обложка и рисунки раб. А. Осташов - 1927 г.